На отв

БАСНИ ЛАФОНТЕНА.

ЖАНЪ де-ЛАФОНТЕНЪ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ЗВѢЗДА» за 1895 г.
КНИГА XII — ДЕКАБРЬ.

БАСНИ ЛАФОНТЕНА

въ переводахъ:

Крылова, Измайлова, Дмитріева, Хемницера, Коринфскаго, Талина, Лихачева, Юрьина, Жукова.

Съ рисунками Дорэ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 15 Ноября 1895 года.

ЖАНЪ ДЕ-ЛАФОНТЕНЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

ЖАНЪ ДЕ-ЛАФОНТЕНЪ родился 8-го іюля 1621 года, въ маленькомъ городѣ Шато-Тьерри въ Шампаньи, гдѣ отецъ его, Шарль де-Лафонтенъ, служилъ лѣсничимъ. Въ школѣ юный Лафонтенъ учился довольно небрежно и школьная наука не оказала никакого вліянія на развитіе его генія. Двадцати лѣтъ, прочитавъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, онъ рѣшилъ поступить въ Сенъ-Маглуарскую семинарію, но пробылъ тамъ всего годъ. Его примѣру послѣдовалъ братъ Лафонтенъ—Клодъ,—который окончилъ курсъ съ успѣхомъ и сдѣлался священникомъ. По выходѣ изъ семинаріи будущій баснописецъ велъ въ родительскомъ домѣ праздную, полную удовольствій жизнь, грозившую имѣть на него пагубное вліяніе.

Когда Жану минуло двадцать шесть лѣтъ, отецъ женилъ его и передалъ ему свои обязанности лѣсничаго. Демонъ поэзіи все еще не посѣщалъ Лафонтена.

Какъ-то Лафонтену пришлось слышать декламацію одной изъ одъ Мальэрба; это произвело впечатлѣніе на будущаго поэта: онъ прочелъ всего Мальэрба и пытался подражать ему. Но Мальэрбъ одинъ могъ бы испортить вкусъ Лафонтена, если бы друзья его Пентрель и Макруа не посовѣтывали ему прочесть образцы другихъ авторовъ, имѣющіе большее значеніе въ литературномъ отношеніи. Изъ древнихъ авторовъ Платонъ и Плутархъ вскорѣ сдѣлались его любимцами; ему приходилось читать ихъ въ переводѣ, такъ какъ греческаго языка Лафонтенъ не зналъ. Онъ увлекался также Гораціемъ и Виргиліемъ, которыхъ въ состояніи былъ понимать въ подлинникѣ. Изъ современныхъ ему авторовъ онъ предпочиталъ Рабеле, Маро, Де-Перье, М. Ренье и Урфе.

Бракъ не измѣнилъ его перемѣнчивыхъ вкусовъ, не ослабилъ его увлеченія удовольствіями. Марія Герикуръ, на которой родители заставили его жениться въ 1647 году, была женщина красивая, неглупая; но природа не одарила ее твердымъ характеромъ, любовью къ порядку и труду; вообще, у нея не было тѣхъ качествъ, которыя могли бы оказать дисциплинирующее вліяніе на мужа. Въ то время, какъ она зачитывалась романами, онъ искалъ развлеченій на сторонѣ, или грезилъ собственными стихами и произведеніями его любимцевъ. Семейное счастье молодыхъ супруговъ длилось не долго.

Послѣ смерти своего отца Лафонтенъ, по собственному выраженію, скоро «проѣлъ» полученное отъ него наслѣдство; приданаго жены хватило также не надолго. Волей-неволей семьѣ приходилось довольствоваться содержаніемъ, которое Лафонтенъ получалъ въ качествѣ лѣсничаго. Никакого другого занятія онъ себѣ не выбралъ.

Есть основанія думать, что Лафонтенъ-лѣсничій ограничивался продолжительными прогулками по лѣсу, отдаваясь своей природной склонности къ мечтательности. Дѣйствительно, дѣломъ онъ, повидимому, занимался очень мало, такъ какъ послѣ многолѣтней службы онъ не имѣлъ нѣкоторыхъ элементарныхъ понятій о лѣсномъ хозяйствѣ и техникѣ. Его очаровывала поэзія; первыя попытки его ограничивались небольшими

стихотвореніями, написанными по поводу различныхъ случаевъ жизни; въ Шато-Тьеррскомъ обществѣ вещицы эти пользовались большимъ успѣхомъ. Лафонтенъ задумалъ тогда написать комедію, но за недостаткомъ изобрѣтательности, онъ заимствовалъ интригу у одного изъ своихъ любимыхъ классиковъ, измѣнилъ имена дѣйствующихъ лицъ, и слѣдилъ за текстомъ подлинника, въ подражательной формѣ. Но выбранная пьеса не подходила къ французскому театру, авторъ не пытался добиться постановки ея на сцену, но выпустилъ ее въ свѣтъ; этимъ произведеніемъ, съ недурною версификаціей, Лафонтенъ обратилъ на себя вниманіе. Ему было тогда 32 года.

Въ ту пору одинъ изъ родственниковъ Лафонтена, совѣтникъ короля, Жаннартъ, представилъ его суперинтенданту Фуке, покровительствовавшему литераторамъ; онъ любезно принималъ и щедро одарялъ ихъ. Фуке предложилъ Лафонтену сдѣлаться его постояннымъ поэтомъ, назначивъ ему содержаніе въ тысячу ливровъ. Каждую четверть года Лафонтенъ представлялъ своему патрону по одному стихотворенію. О годахъ, проведенныхъ Лафонтеномъ въ роскошной обстановкѣ дворца Фуке, гдѣ ему постоянно приходилось вращаться въ избранномъ обществѣ, Лафонтенъ вспоминалъ впослѣдствіи съ особымъ удовольствіемъ. Вліяніе этой жизни отразилось въ его Songe des Vaux,—первомъ произведеніи, въ которомъ проглядываетъ талантъ, развившійся съ годами до геніальности. Первою музою его было чувство благодарности, но печаль воодушевила его счастливѣе, такъ какъ, Elegie aux nymphes de Vaux, написанная по поводу немилости, въ которую впалъ суперинтендантъ, поставила его на высоту первоклассныхъ мастеровъ. Раньше Лафонтенъ былъ остроумный, веселый, доступный каждому версификаторъ; теперь онъ сталъ въ ряды поэтовъ, и его трогательныя жалобы въ названномъ произведеніи считаются по своему языку образцовыми. Послѣ заточенія Фуке, Лафонтенъ не только оплакивалъ прекращеніе удовольствій и разрушеніе своихъ надеждъ: его угнетало несчастіе человѣка, котораго онъ искренне любилъ благодарною любовью, и блестящія качества котораго его очаровывали. Грусть, охватившая Лафонтена, не была скоропреходящимъ чувствомъ: уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ смѣщенія Фуке, будучи проѣздомъ въ Амбуазѣ, вѣрный другъ пожелалъ посѣтить комнату во дворцѣ, въ которой начиналось заточеніе Фуке; но, когда его туда не пустили, онъ остановился у порога, плакалъ горькими слезами и «ушелъ только по наступленіи ночи».

Въ обществѣ выдающихся умовъ и знатныхъ женщинъ Лафонтенъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Его любили какъ остроумнаго, благовоспитаннаго, интереснаго собесѣдника, искренняго и благодушнаго. По характеру своему Лафонтенъ предпочиталъ, молча, наблюдать и мечтать, но когда желалъ, то бывалъ очень любезенъ въ обществѣ.

Съ того времени, какъ Фуке впалъ въ немилость, Лафонтену пришлось проводить большую часть времени въ своей семьѣ; но, какъ и раньше, онъ тяготился обязанностями семьянина. Даже сынъ, родившійся у него, не въ состояніи былъ привязать его къ семьѣ; дѣтей Лафонтенъ, вообще, никогда не любилъ: э т о т ъ м а л е н ь к і й н а р о д ъ, какъ онъ ихъ называлъ, былъ для него невыносимъ: «они крайне требовательны, нетерпѣливы, шумливы, нуждаются въ постоянномъ за ними уходѣ, тираничны до послѣдней степени, въ особенности по отношенію къ равнодушнымъ». Притомъ, онъ видѣлъ въ дѣтяхъ своихъ соперниковъ. Лафонтенъ всю свою жизнь былъ избалованнымъ ребенкомъ, а потому требовалъ, чтобы домашніе ухаживали исключительно за нимъ, исполняли всѣ его желанія. Ему было непріятно и досадно видѣть, что часть этихъ заботъ, и при томъ часть довольно значительная, выпадала на долю его сына.

Шато-Тьерри казался Лафонтену могилою. Чтобы разсѣяться онъ послѣдовалъ въ Лиможъ за своимъ родственникомъ Жаннартомъ, высланнымъ вмѣстѣ съ мадамъ Фуке, дѣлами которой онъ управлялъ. Поэтъ описалъ свое пребываніе въ Лиможѣ въ письмахъ къ своей женѣ, въ которыхъ проза безпрестанно прерывается остроумными стихотвореніями. Но въ Лиможѣ ему пришлось пробыть не долго. По возвращеніи оттуда, онъ дѣлилъ свое время между Шато-Тьерри и Парижемъ, куда въ первое время онъ пріѣзжалъ съ женой, а потомъ—одинъ.

Жизнь двумя домами разстраивала его и безъ того сильно пошатнувшіяся дѣла; но, благодаря свойственной ему безпечности и немалой долѣ эгоизма, это его безпокоило очень рѣдко. Съ этого времени начинается его дружба съ Расиномъ, съ которымъ Лафонтенъ познакомился чрезъ Мольера. Расинъ былъ друженъ съ Буало *), а Мольеръ—съ литераторомъ Шапелемъ. Образовался дружескій кружокъ, весело проводившій часы досуга въ бесѣдахъ, спорахъ и нерѣдко—въ безшабашныхъ оргіяхъ. Лафонтенъ былъ душою этой компаніи, которой, однако, вскорѣ

*) Буало-Депрео—французскій поэтъ и критикъ, родился въ 1636 г. въ Парижѣ. Въ литературѣ стяжалъ себѣ извѣстность своими «Сатирами».

суждено было распаститься. Неблаговидный процессъ, въ который былъ замѣшанъ Расинъ, заставилъ Мольера порвать съ нимъ знакомство, а также и съ его другомъ Буало. Лафонтенъ, однако, съумѣлъ остаться въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми членами бывшаго кружка.

Отъ времени до времени Лафонтенъ вмѣстѣ съ Буало ѣздилъ въ Шато-Тьерри, гдѣ онъ продавалъ свои участки земли для того, чтобы «нѣсколько урегулировать свои расходы и доходы». Легкомысленная жизнь, которую велъ Лафонтенъ, заставила наконецъ супругу его разойтись съ нимъ, но до формальнаго развода у нихъ дѣло не доходило...

Лафонтену, между тѣмъ, минуло уже сорокъ лѣтъ, а онъ все еще считался салоннымъ поэтомъ. Въ эту пору его пригласила въ качествѣ личнаго секретаря герцогиня Орлеанская, вдова Гастона, брата Людовика XIII. При маленькомъ Люксембургскомъ дворѣ, гдѣ Лафонтенъ былъ любезно принятъ, онъ вскорѣ съумѣлъ пріобрѣсть всеобщую симпатію. Герцогиня Булльонская также не пренебрегала обществомъ поэта; она предложила Лафонтену примѣнить свой талантъ для подражанія Аріосто и Бокаччіо. Совѣтъ этотъ возбудилъ къ дѣятельности одну изъ струнъ его генія и поставилъ его на путь аполога. Лафонтенъ дебютировалъ Жокондою. Разсказъ этотъ, представляющій свободное подражаніе Аріосту, вызвалъ полемику, во время которой Буало сталъ на сторону своего друга. Но, какъ бы то ни было, Жоконда имѣлъ успѣхъ, и Лафонтенъ написалъ еще нѣсколько новеллъ въ томъ же родѣ.

Однако, характеръ этихъ послѣднихъ произведеній не понравился Людовику XIV и Кольберу. При томъ и паденіе Фуке далеко еще не было забыто, и бросало тѣнь на его бывшихъ друзей. Монархъ обѣщалъ вернуть Лафонтену свою милость, если онъ дастъ слово «исправиться»—перемѣнить характеръ своихъ произведеній. Лафонтенъ далъ слово. Онъ рѣшилъ искупить свои заблужденія безукоризненными произведеніями. Онъ рѣшилъ поработать на пользу обученія и развлеченія начинавшаго свое образованіе Дофина. Это былъ почетный способъ для поправленія своей репутаціи въ глазахъ Монарха и его приближенныхъ. Лафонтену явилась мысль подражать Федру и Эзопу, и онъ принялся за работу.

Первый сборникъ басенъ, состоявшій изъ шести книгъ, вышелъ въ свѣтъ въ 1668 г., подъ скромнымъ заглавіемъ: Басни Эзопа, переложенныя въ стихи Ж. де-Лафонтеномъ, онъ былъ посвященъ Дофину.

Изъ сказаннаго видно, что талантъ Лафонтена развивался постепенно, медленно; но за то онъ далъ безсмертные плоды, искупающіе нѣкоторые промахи въ его жизни; ему нужно было сознаніе своего дѣйствительнаго призванія и назначенія, и это призваніе онъ нашелъ, выпустивъ первый сборникъ своихъ басенъ. Съ этого момента Лафонтенъ достигъ настоящаго своего значенія.

По смерти герцогини Орлеанской ему оказала свое покровительство М-мъ де-Ла-Сабліеръ, собиравшая въ своемъ салонѣ ученыхъ и литераторовъ. До 72 лѣтняго возраста Лафонтенъ оставался другомъ дома въ отелѣ М-мъ де Ла-Сабліеръ, гдѣ вращался въ обществѣ наиболѣе выдающихся людей Франціи того времени. Двадцать лѣтъ онъ прожилъ въ этомъ домѣ, не зная никакихъ заботъ; ему не приходилось искать иныхъ покровителей: будущность казалась обезпеченною. При такихъ условіяхъ онъ отдался вполнѣ демону поэзіи, который не покидалъ его съ тѣхъ поръ почти до самой смерти.

Первыя басни Лафонтена встрѣтили сочувственный пріемъ, имѣли всеобщій успѣхъ; дальнѣйшія — поддерживали его реноме. Урывками имъ написанъ былъ романъ Психея, въ которомъ проза мѣстами прерывается небольшими стихотвореніями. Впослѣдствіи Корнейль и Квино передѣлали этотъ романъ въ оперу, причемъ музыка написана была Люлли. Попытки Лафонтена въ области драматической литературы оказались менѣе успѣшными. На сцену была поставлена только небольшая комедія его Флорентинецъ, въ которой есть сцены, достойныя Мольера.

Поэтическія произведенія Лафонтена нисколько не умаляютъ его значенія; они блѣднѣютъ въ лучахъ его славы, какъ баснописца: какъ баснописецъ Лафонтенъ сдѣлался безсмертнымъ. Басня, въ той формѣ, которую ей придалъ Лафонтенъ— одно изъ счастливѣйшихъ твореній человѣческаго ума. Апологія его напоминаетъ эпопею— по формѣ разсказа, драму — по игрѣ дѣйствующихъ лицъ и обрисовкѣ характеровъ, поэзію— по своей музыкальности. Басни его очаровываютъ въ особенности своею жизненностью; иллюзія полная: она была пережита авторомъ, а потому внушается и читателю. Лафонтенъ дѣйствительно видитъ то, что описываетъ, и разсказъ его представляетъ яркую картину. Такая картинность басни Лафонтена объясняется его слогомъ: все въ немъ образно, жизненно, естественно. Собственно говоря, басни Лафонтена не читаешь и не запоминаешь: ихъ смотришь и слышишь. — Не слѣдуетъ полагать, что до Лафонтена у

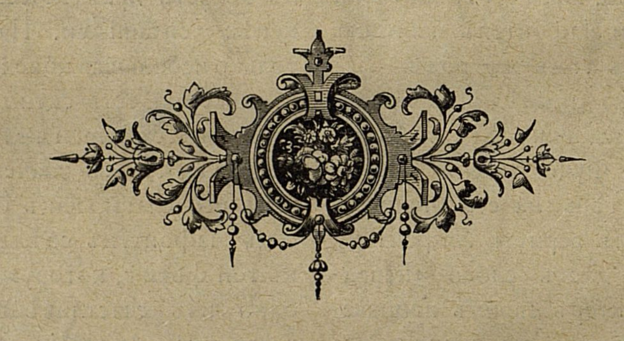
французовъ не было басни: одно изъ лучшихъ произведенiй этого рода—Романъ Лисицы—представляетъ дѣйствительную исторiю изъ жизни средневѣковыхъ феодаловъ; дѣйствующiя лица — животныя, аллегорически изображающiя людей. Лафонтену не было извѣстно, что въ XIII столѣтiи были попытки подражать Эзопу; поэтому, онъ и не могъ ими заимствоваться. Лафонтенъ непосредственно пользовался древними оригиналами: Эзопъ, Федръ, Бидпаи—вотъ обычные его образцы. Хотя Бланше (авторъ басни Адвокатъ Пателинъ) и Клементъ Маро оказывали небольшое влiянiе на Лафонтена, они не нарушили его самобытности въ манерѣ писать.

Оригинальность Лафонтена не исчерпывается складомъ его ума и воображенiя, но проявляется и въ его языкѣ. Слогъ его изящный, естественный, своеобразный, вслѣдствiе нѣкоторыхъ архаическихъ формъ и старинныхъ оборотовъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ второго сборника басенъ, который Лафонтенъ приподнесъ Людовику XIV, баснописецъ былъ избранъ въ члены Парижской Академiи. Засѣданiя Академiи его очень интересовали, и онъ аккуратно посѣщалъ ихъ.

Во время тяжкой болѣзни Лафонтена, когда со дня на день ожидали его смерти, умерла въ уединенiи его патронесса М-мъ де-Ла-Саблiеръ. По выздоровленiи Лафонтена одинъ изъ его друзей—Герваръ — предложилъ ему поселиться въ его отелѣ на улицѣ Платрiеръ. Въ этихъ роскошныхъ покояхъ, украшенныхъ произведенiями кисти Миньярда, Лафонтенъ провелъ послѣднiе два года своей жизни. Онъ посѣщалъ еще Академiю, но чаще ходилъ въ церковь; онъ переложилъ въ стихотворную форму нѣсколько псалмовъ и Dies irae, и продолжалъ писать басни. Кромѣ того, онъ, совмѣстно съ Фенелономъ, принималъ дѣятельное участiе въ воспитанiи молодого герцога Бургундскаго. До самой смерти Лафонтенъ сохранилъ свѣжесть ума и любезность обращенiя.

Лафонтенъ мирно скончался 13 февраля 1695 г., послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ крайней слабости, на 74-мъ году отъ рожденiя. Когда Макруа получилъ извѣстiе о смерти его стариннаго друга, онъ написалъ слѣдующiя трогательныя строки: «Мой дорогой и вѣрный другъ, г. де-Лафонтенъ, умеръ. Мы съ нимъ были друзьями болѣе пятидесяти лѣтъ, и я благодарю Бога, что до самой старости ни одно облачко не омрачало нашей дружбы, и что я одинаково нѣжно любилъ его до самаго конца. Я не зналъ человѣка болѣе искренняго и правдиваго, чѣмъ Лафонтенъ: не знаю солгалъ-ли онъ хоть разъ въ своей жизни».

Жанъ де-Лафонтенъ.

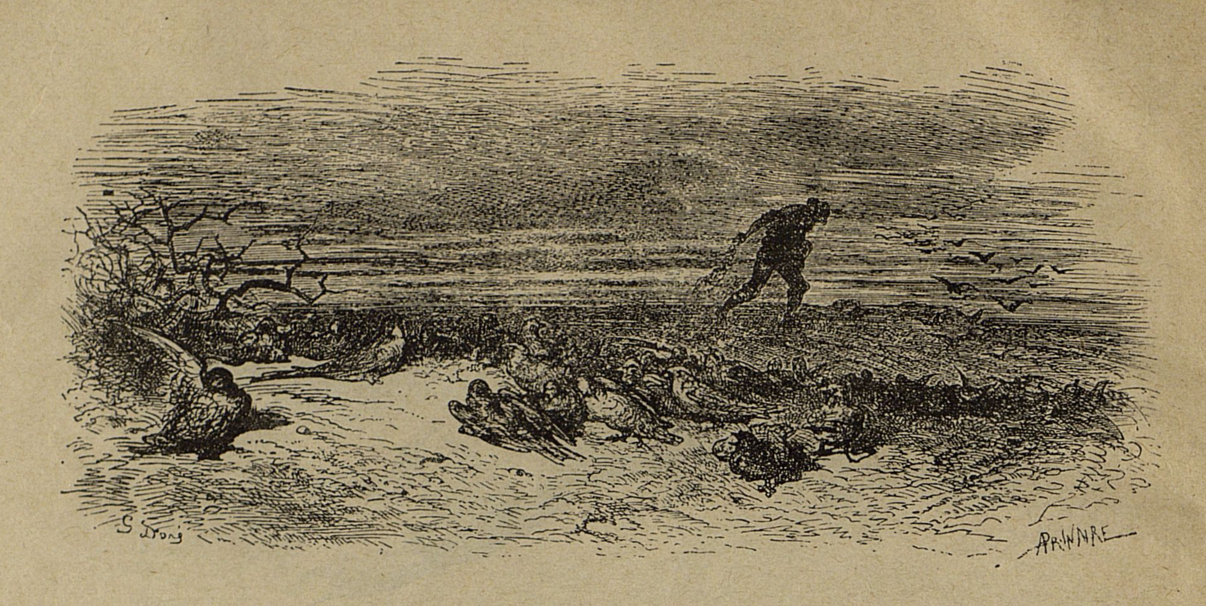
ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Что волки жадны, всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши, никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить
И проситъ горю пособить.

Журавль свой носъ по шею
Засунулъ къ волку въ пасть и съ трудностью большою
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
«Ты шутишь!» звѣрь вскричалъ коварный
«Тебѣ за трудъ? Ахъ, ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ?
Поди-жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!»

И. А. Крыловъ.

ЛАСТОЧКА и ПТИЧКИ.

Летунья Ласточка и тамъ и сямъ бывала,
Про многое слыхала,
И многое видала,
А потому она
И болѣ многихъ знала.
Пришла весна
И стали сѣять ленъ. — «Не по сердцу мнѣ это!» —
Пичужечкамъ она твердитъ:
«Сама я не боюсь, но васъ жаль; придетъ лѣто,
«И это сѣмя вамъ напасти породитъ;
«Произведетъ силки и сѣтки,
«И будетъ вамъ виной
«Иль смерти, иль неволи злой;
«Страшитесь вертела и клѣтки!
«Но умъ поправитъ все, и вотъ его совѣтъ:
«Слетитесь на загонъ и выклюйте все сѣмя».
— «Пустое!» — разсмѣясь, вскричало мелко племя:
«Какъ будто намъ въ поляхъ другого корма нѣтъ!»
Чрезъ сколько дней потомъ, не знаю,
Ленъ вышелъ, началъ зеленѣть,
А птичка ту же пѣсню пѣть.
«Эй, худу быть! еще вамъ, птички, предвѣщаю:
«Не дайте льну созрѣть;
«Вонъ съ корнемъ! или вамъ придетъ дождаться лиха!»
— «Молчи, зловѣщая вралиха!» —
Вскричали птички ей:
«Ты думаешь легко выщипывать все поле!»
Еще прошло десятокъ дней,
А можетъ и гораздо болѣ,
Ленъ выросъ и созрѣлъ.
— «Ну, птички, вотъ ужъ ленъ поспѣлъ;
«Какъ хочете меня зовите» —
Сказала Ласточка: «а я въ послѣдній разъ
«Еще пришла наставить васъ:
«Теперь того и ждите,
«Что пахари начнутъ хлѣбъ съ поля убирать,
«А послѣ съ вами воевать:
«Силками васъ ловить, изъ ружей убивать,
«И сѣтью накрывать;
«Избавиться такого бѣдства
«Другого нѣтъ вамъ средства,
«Какъ далѣ, далѣ прочь. Но вы не Журавли,
«Для васъ вѣдь море край земли;
«Такъ лучше ближе пріютиться,
«Забиться въ гнѣздышко, да въ немъ не шевелиться».
— «Пошла, пошла! другихъ страшай
«Своимъ ты вздоромъ!» —
Вскричали пташечки ей хоромъ:
«А намъ гулять ты не мѣшай».
И такъ онѣ въ поляхъ летали, да летали,
Да въ клѣтку и попали.

Всякъ только своему разсудку вслѣдъ идетъ;
А вѣруетъ бѣдѣ не прежде, какъ придетъ.

И. И. Дмитріевъ

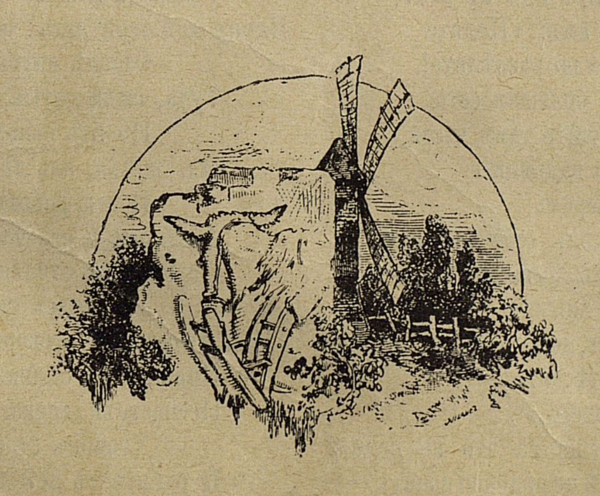

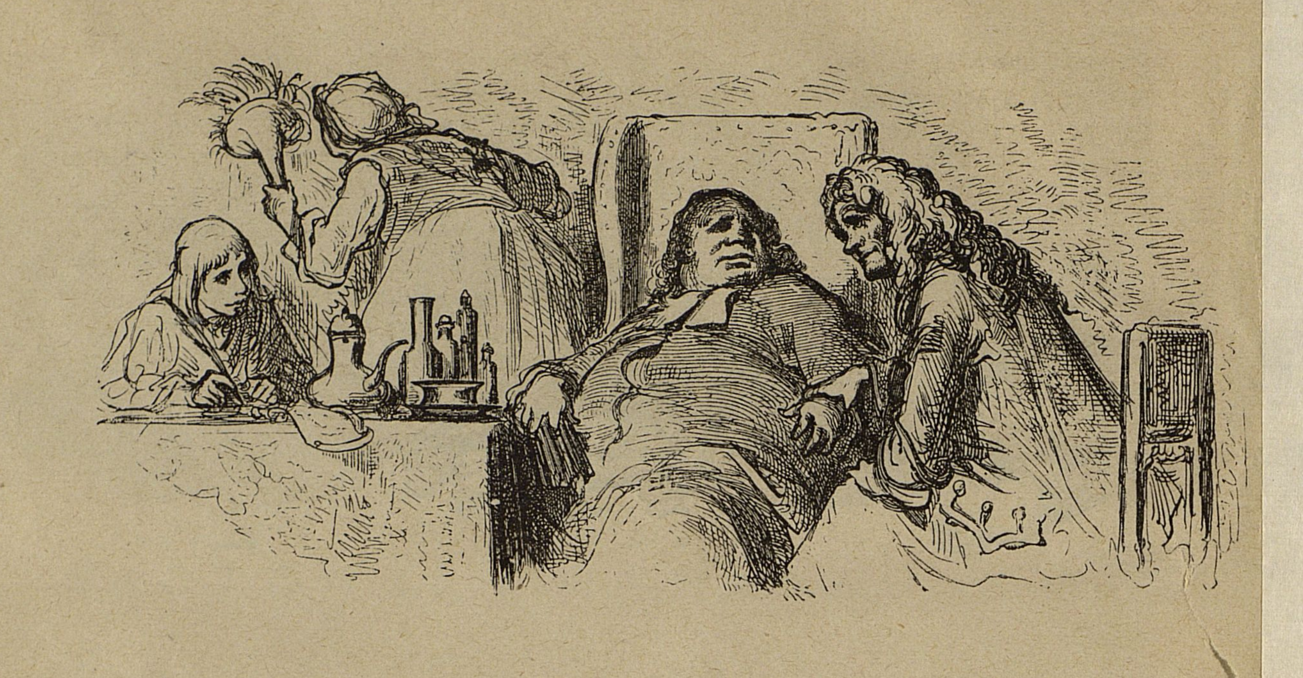
ЛОШАДЬ И ОСЕЛЪ.

ДОБРО, которое мы дѣлаемъ другимъ,
Добромъ же служитъ намъ самимъ,
И въ нуждѣ надобно другъ другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади въ дорогѣ быть съ осломъ,
И лошадь шла порожнякомъ,
А на ослѣ поклажи столько было,
Что бѣднаго совсѣмъ подъ нею задавило.
— «Нѣтъ мочи, говоритъ: —я право упаду,
До мѣста не дойду.»
И проситъ лошадь онъ, чтобъ сдѣлать одолженье,
Хоть часть поклажи снять съ него.
— «Тебѣ не стоитъ ничего,
А мнѣ-бъ ты сдѣлала большое облегченье», —
Онъ лошади сказалъ.
«Вотъ, чтобъ я съ ношею ослиною таскалась!» —
Сказала лошадь, отказалась.
Оселъ потуда шелъ, пока подъ ношей палъ,
И лошадь тутъ узнала,
Что ношу раздѣлить напрасно отказала,
Когда ее одна
Съ ослиной кожей несть была принуждена.

И. И. Хемницеръ.

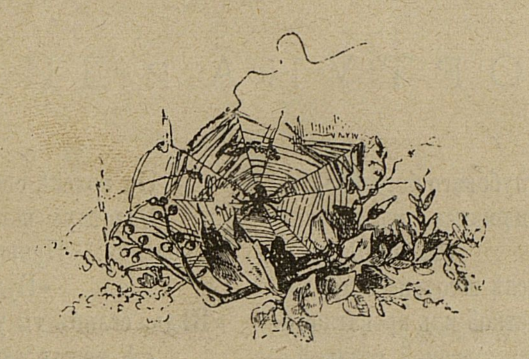

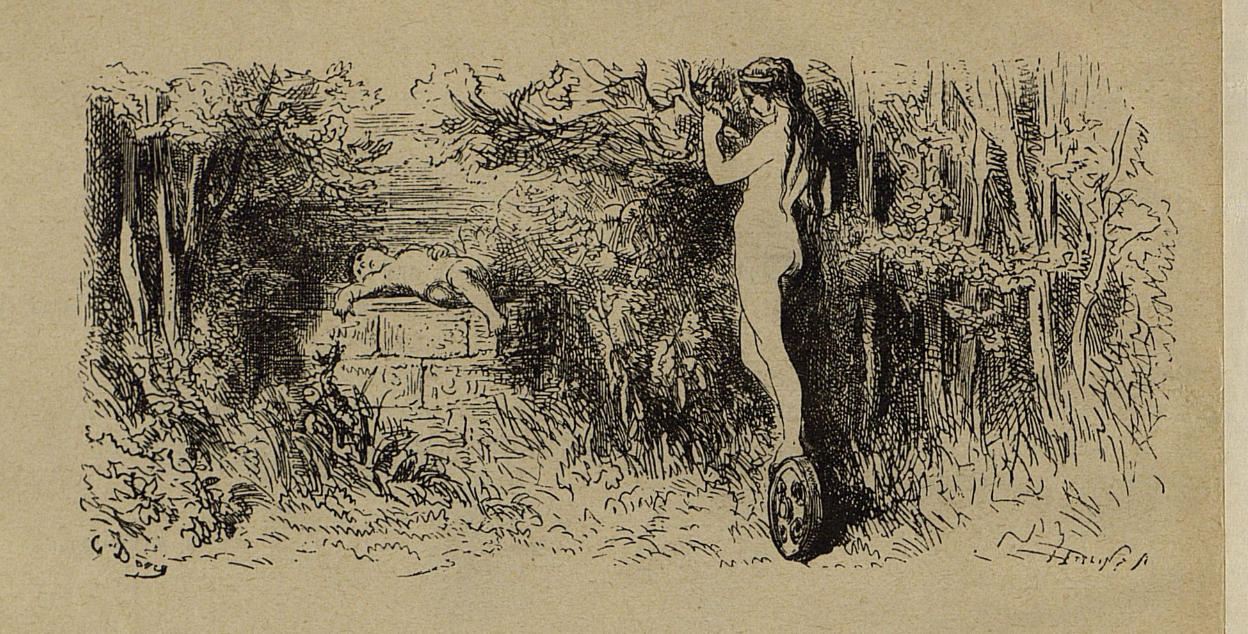
ПОДАГРА и ПАУКЪ.

Подагру съ паукомъ самъ адъ на свѣтъ
родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
Насколько правды тутъ, и какъ, и почему;
Притомъ же, кажется, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены подагра съ паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти — бремя,
Пока они не по мѣстамъ!),
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: «Подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ, и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто что изъ васъ въ удѣлъ себѣ возьметъ.
Вонъ, видите-ль вы пышные чертоги?
А тамъ, вонъ, хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;—
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета.»
— «Мнѣ хижинъ ни за что не надо»
Сказалъ паукъ. — «А мнѣ не надобно палатъ» —
Подагра говоритъ: «пусть въ нихъ живетъ мой бра
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я р
А то меня тамъ станутъ доктора
Гонять изъ каждаго богатаго двора.»
Такъ смолвясь, братъ съ сестрой пошли, явил
въ мірѣ
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шкафамъ пышнымъ, расцвѣченны
И по карнизамъ золоченнымъ
Онъ паутину разостлалъ,
И мухъ бы вдоволь нахваталъ:
Но къ разсвѣту, едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ: онъ къ печкѣ перебрался,
Оттолѣ паука метлой.
Туда, сюда паукъ, бѣдняжка мой;
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ,
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ — въ отчаяньи, и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.
«Чай, въ селахъ» — говоритъ — «живетъ она царице
Пришелъ, а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носи

Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
— «Нѣтъ, братецъ» —говоритъ она: «не жизнь мнѣ въ полѣ!»
А братъ
Тому и радъ,
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся:
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра же — тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ;
И оба дѣлаютъ умно.

И. А. Крыловъ.

ФОРТУНА и ДИТЯ.

Однажды, на краю глубокаго бассейна,
Въ кустахъ, склонившихся предъ нимъ благоговѣйно,
Дремалъ ребенокъ послѣ школьнаго труда...
Вѣдь, дѣтямъ ложе всякое кушеткой иль кроваткой—
Когда имъ сонъ смежитъ рѣсницы дремой сладкой—
Покажется всегда!
Прохожій, увидавъ въ опасности ребенка,
Шаговъ бы за двадцать, пожалуй, крикнулъ звонко,
Чтобъ разбудить (и погубить!) дитя...
На счастье тутъ Фортуна проходила,
На колесѣ своемъ, какъ по вѣтру, летя,—
Вплотную подошла, малютку разбудила
И молвила: «Прошу, мой крошка, объ одномъ:
«Будь осторожнѣе потомъ!..
«Вѣдь, еслибъ ты упалъ,—смерть мнѣ бы приписа
«А между тѣмъ, была-бъ виновна я едва-ли
«Въ оплошности твоей!..
«Чтожъ было бы тогда, коль по винѣ моей
«Въ бассейнѣ ты лежалъ?!»
И съ этими словами—
Пропала за кустами...

Мы всѣ случайности приписываемъ той,
Что сыплетъ намъ съ небесъ дождь счастья золотой...
И правильно, по мнѣ, Фортуна говорила:
Толпа—ее одну во всемъ бы обвинила!
Кто вѣкъ живетъ глупцомъ — тотъ видитъ корень зла
Лишь въ томъ, что отъ него Фортуна прочь ушла;
Для мудраго-жъ она—наивна, простовата...
Короче:—бѣдная предъ всѣми виновата!..

Аполлонъ Коринфскій.

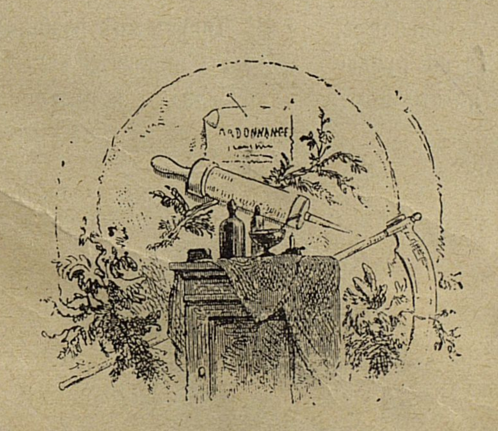

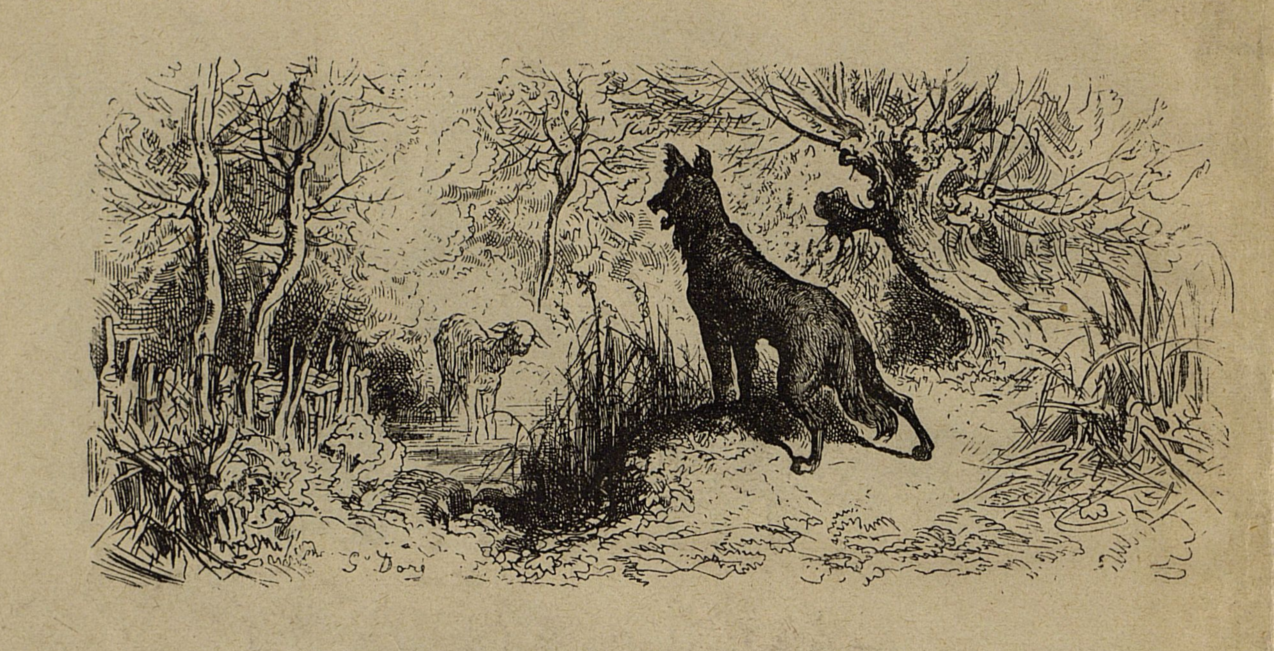

ВРАЧИ.

У смертнаго одра
Какого-то больного
Весь день и ночь до самаго утра
Всѣ плакали, сказать не смѣя слова.
А доктора между собой
На перебой
Вели дебаты въ часъ досуга,
Какъ приступить къ леченію недуга?
— Припарки и компрессъ!—настаивалъ одинъ.
Другой кричалъ:—Тутъ нужно сдѣлать ванны!
И знаетъ только Богъ одинъ,
Къ чему-бы могъ прійти ихъ разговоръ пространный,—
Когда-бы не больной:
Смирясь предъ грозною судьбой,
Онъ бросилъ міръ болѣзни и печали,
Пока два доктора о «способахъ» кричали.
Одинъ изъ нихъ, дорогою домой,
Съ упрекомъ говорилъ:—Когда-бы способъ мой
Былъ принятъ, онъ-бы живъ остался.
— А я давно ужъ зналъ,—
Другой сказалъ,—
Что онъ одной лишь смерти дожидался!

В. С. Жуковъ.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У СИЛЬНАГО всегда безсильный виноватъ;
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ,
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ, какъ въ басняхъ говорятъ.

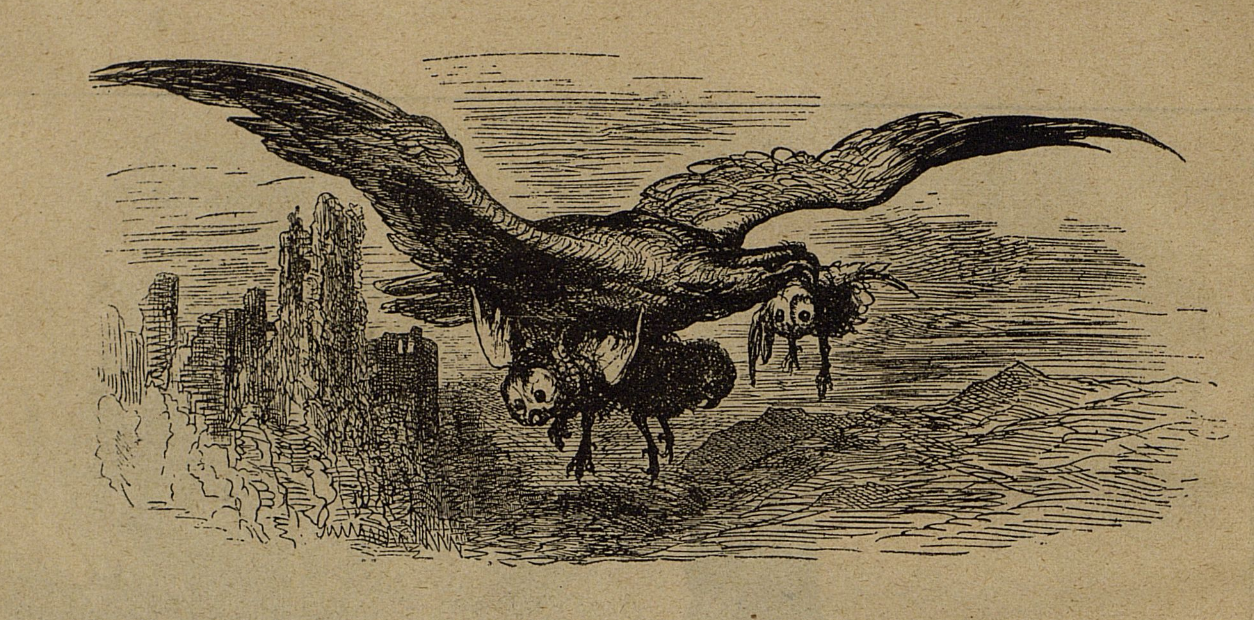
Ягненокъ въ жаркій день зашелъ къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, на добычу стремится;
Но, дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: «какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое
Съ пескомъ и съ иломъ?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!»
— «Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу».
— «Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана-ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ то нагрубилъ:
Я этого, пріятель, не забылъ!»
— «Помилуй, мнѣ отъ роду нѣтъ и году», —
Ягненокъ говоритъ. — «Такъ это былъ твой братъ
— «Нѣтъ братьевъ у меня.» — Такъ это кумъ и сватъ.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи».
— «Ахъ, я чѣмъ виноватъ?» — «Молчи! усталъ слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать
Сказалъ, и въ темный лѣсъ Ягненка поволокъ.

И. А. Крыловъ.

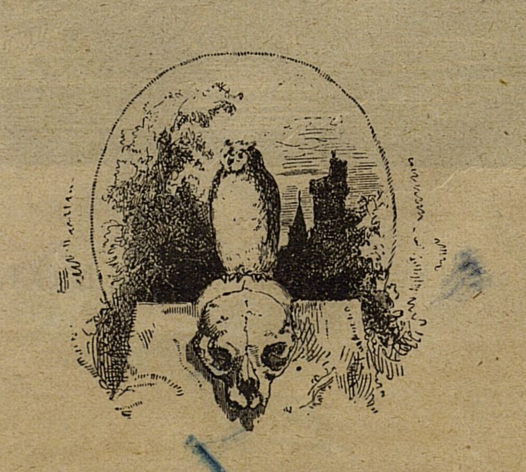
ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

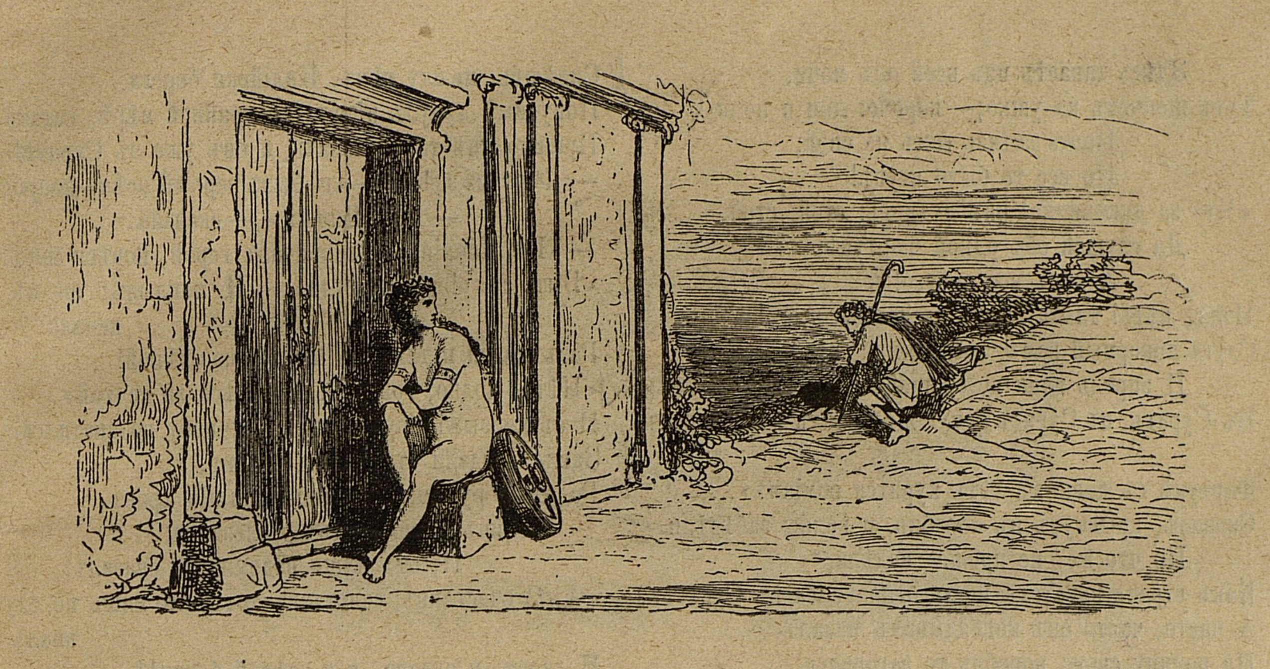

ОРЕЛЪ и СОВА.

Орелъ съ Совою помирились
И, закрѣпить союзъ покрѣпче силясь,
По братски обнялись
И поклялись,
(Чтобы виднѣй была услуга):
Птенцовъ не трогать другъ у друга.
«Ты знаешь ли моихъ птенцовъ?»
Сова Орла спросила.
— «Не знаю!» — молвитъ тотъ. — «Ахъ, въ томъ-то
вотъ и сила!
Не зная ихъ, ты ихъ пожрешь въ концѣ-концовъ».
— «Такъ опиши мнѣ ихъ фигуры!» —
Сказалъ Орелъ,
И взглядъ пронзительный и хмурый
На собесѣдницу навелъ.
«Ахъ, молвила Сова, мои птенцы такъ малы,
Изящны, полны красоты,
Что ихъ изъ жалости, пожалуй,
Не тронешь ты».
Случилось такъ, что Богъ послалъ Совѣ семейство.
Однажды вечеромъ, едва
Сова
Помчалась на злодѣйства,
Орелъ по воздуху парилъ,
И вдругъ въ разщелинѣ развалинъ
Птенцовъ какихъ-то онъ накрылъ,
Ихъ видъ былъ такъ жалокъ и печаленъ,
А голосъ такъ ужасенъ и унылъ,
Что нашъ Орелъ рѣшилъ сердито,
Что у Совы такихъ не можетъ быть дѣтей.
И тутъ же ими сытно
Позавтракалъ злодѣй.
Сова вернулась... но... о, боги!..
Дѣтей ужъ нѣтъ... остались только ноги...
Сова рыдаетъ, мечетъ, рветъ,
Сова разбойниковъ клянетъ...
Но, вотъ,
Ей кто-то молвитъ таровато:
«Сова! Сама ты виновата!
Ты вздумала, бѣдняга, безъ пути
Въ своей семьѣ прекрасное найти...
Расхвасталась и разболталась,—
Ну, и попалась!»

В. В. Жуковъ.

ИСКАТЕЛИ ФОРТУНЫ.

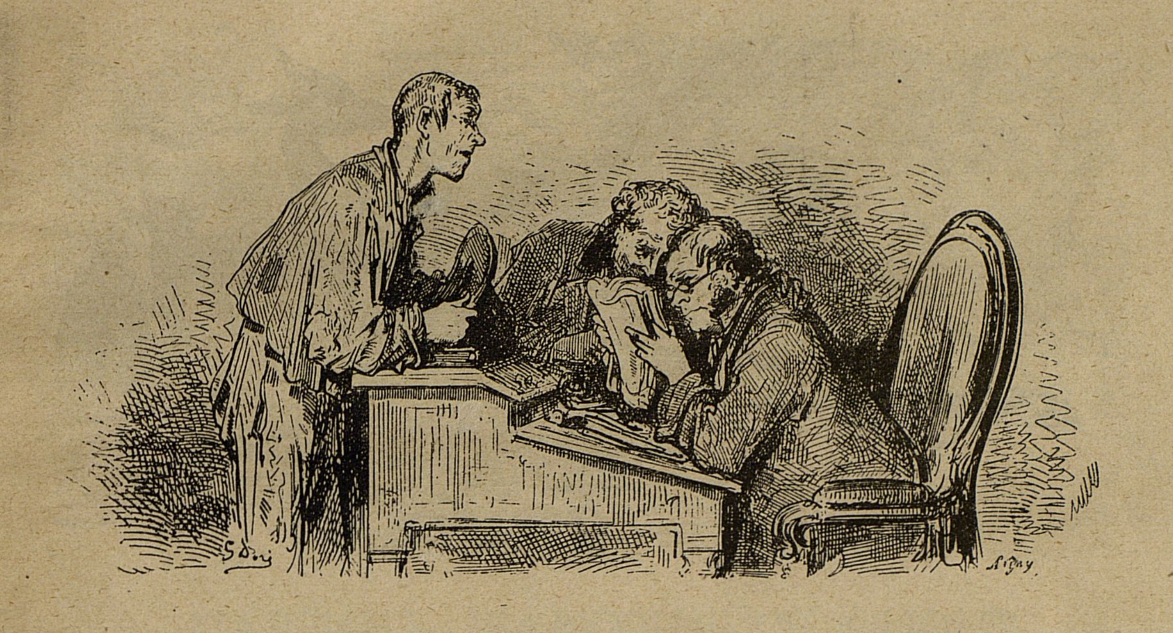
КТО на своемъ вѣку Фортуны не искалъ?
Что, еслибъ силою волшебною какою
Всевидящимъ я сталъ
И вдругъ открылись предо мною
сѣ тѣ, которые и ѣдутъ и ползутъ,
И скачутъ и плывутъ,
Изъ царства въ царство рыщутъ,
дочери Судьбы отмѣнной красоты
Иль убѣгающей мечты
Безъ отдыха столь жадно ищутъ?
ѣдняжки! жаль мнѣ ихъ: ужъ, кажется, въ рукахъ...
Ужъ сердце въ восхищеньи бьется...
отъ только что схватить... хоть какъ, такъ увернется
И въ тысячѣ уже верстахъ!
Возможно-ль, многіе, я слышу, разсуждаютъ:
Давно-ль такой-то въ насъ искалъ?
А нынѣ какъ онъ пышенъ сталъ!
нъ въ счастіи растетъ, а насъ за грязь кидаютъ!
ѣмъ хуже мы его?» —Пусть лучше во сто разъ,
о что вашъ умъ и все? Фортуна вѣдь безъ глазъ;
А къ этому прибавимъ:
инъ стоитъ-ли того, что для него оставимъ
окой, покой души, даръ лучшій всѣхъ даровъ,
оторый въ древности удѣломъ былъ боговъ?
ортуна—женщина: умѣрьте вашу ласку;
е бѣгайте за ней, сама смягчится къ вамъ.
акъ милый Лафонтенъ давалъ совѣты намъ,
сказывалъ въ примѣръ почти такую сказку.

Въ деревнѣ-ль, въ городкѣ,
Одинъ съ другимъ невдалекѣ,
Два друга жили;
Ни скудны, ни богаты были.
Одинъ все счастье ставилъ въ томъ,
Чтобы нажить огромный домъ,
Деревни, знатный чинъ—то и во снѣ лишь видѣлъ;
Другой богатствъ не ненавидѣлъ,
Однакожъ ихъ и не искалъ,
А кажду ночь покойно спалъ.
— «Послушай,—другъ ему однажды предлагаетъ:
На родинѣ никто пророкомъ не бываетъ;
Чего-жъ и намъ здѣсь ждать? со временемъ — сумы?
Поѣдемъ лучше мы
Искать себѣ добра; войти, сказать умѣемъ;
Авось и мы найдемъ, авось разбогатѣемъ».—
— «Ступай»,—сказалъ другой,—
«А я останусь; мнѣ дорогъ мой покой,
«И буду спать, пока мой другъ не возвратится».
Тщеславный этому дивится,
И ѣдетъ. На пути встрѣчаетъ цѣпи горъ,
Встрѣчаетъ много рѣкъ, и напослѣдокъ встрѣтилъ
Ту самую страну, куда издавна мѣтилъ:
Любимый уголокъ Фортуны, то есть, дворъ.
Не дожидаяся ни зову, ни наряду,
Присталъ къ нему, и по обряду
Всѣхъ жителей его онъ началъ посѣщать:
Тамъ стрѣлкою стоитъ, не смѣя и дышать,

Здѣсь такаетъ изъ всей онъ мочи,
Тутъ шепчетъ на ушко;—короче: дни и ночи
Нашъ витязь самъ не свой;
Но все то было втупѣ!
«Что за диковинка! онъ думаетъ: стой, стой,
Да слушай объ одной Фортунѣ,
А самъ все ничего!
Нѣтъ, нѣтъ! такая жизнь несноснѣе всего!
Слуга покорный вамъ, господчики, прощайте,
И впредь меня не ожидайте;
Въ Суратъ, въ Суратъ лечу! я слышалъ въ сказкахъ, тамъ
Фортунѣ съ давнихъ лѣтъ курится ѳиміамъ»...
Сказалъ, прыгнулъ въ корабль, и волны забѣлѣли.
Но что же? не прошло недѣли,
Какъ странствователь нашъ отправился въ Суратъ,
А часто, часто онъ поглядывалъ назадъ,
На родину свою: корабль то загорался,
То на мель попадалъ, то въ хляби погружался;
Всечасно въ трепетѣ, отъ смерти на вершокъ;
Бѣднякъ бѣсился, клялъ, извѣстно, лютый рокъ,
Себя, и всѣмъ, и всѣмъ изрядна пѣсня пѣта!
«Безумцы!—онъ судилъ: на край приходимъ свѣта
Мы смерть ловить, а къ ней и дома три шага! —
Синѣютъ, между тѣмъ, Индійски берега,
Попутный дунулъ вѣтръ; по крайней мѣрѣ, кстати
Пришло мнѣ такъ сказать, и онъ уже въ Суратѣ!
—«Фортуна здѣсь?»—его былъ первый всѣмъ вопросъ
—«Въ Японіи»,—сказали.
—«Въ Японіи?» – вскричалъ герой, повѣся носъ.
«Быть такъ! плыву туда».—И поплылъ; но къ печали
Разъѣхался и тамъ съ Фортуною слѣпой!
«Нѣтъ! полно, говоритъ, гоняться за мечтой».
И съ первымъ кораблемъ въ отчизну возвратился.
Завидя издали отеческихъ боговъ,
Родимый ручеекъ, домашній милый кровъ,
Нашъ мореходецъ прослезился,
И, отъ души вздохнувъ, сказалъ:
«Ахъ! счастливъ, счастливъ тотъ, кто лишь по слуху зналъ
И дворъ, и океанъ, и о слѣпой богинѣ!
Умѣренность! съ тобой раздолье и въ пустынѣ».
И такъ, съ восторгомъ онъ и въ сердцѣ, и въ глазахъ
Въ отчизну, наконецъ, вступаетъ;
Льститъ ко другу,—что-жъ? какъ друга обрѣтаетъ?
Онъ спитъ, а у него Фортуна въ головахъ!

И. И. Дмитріевъ.

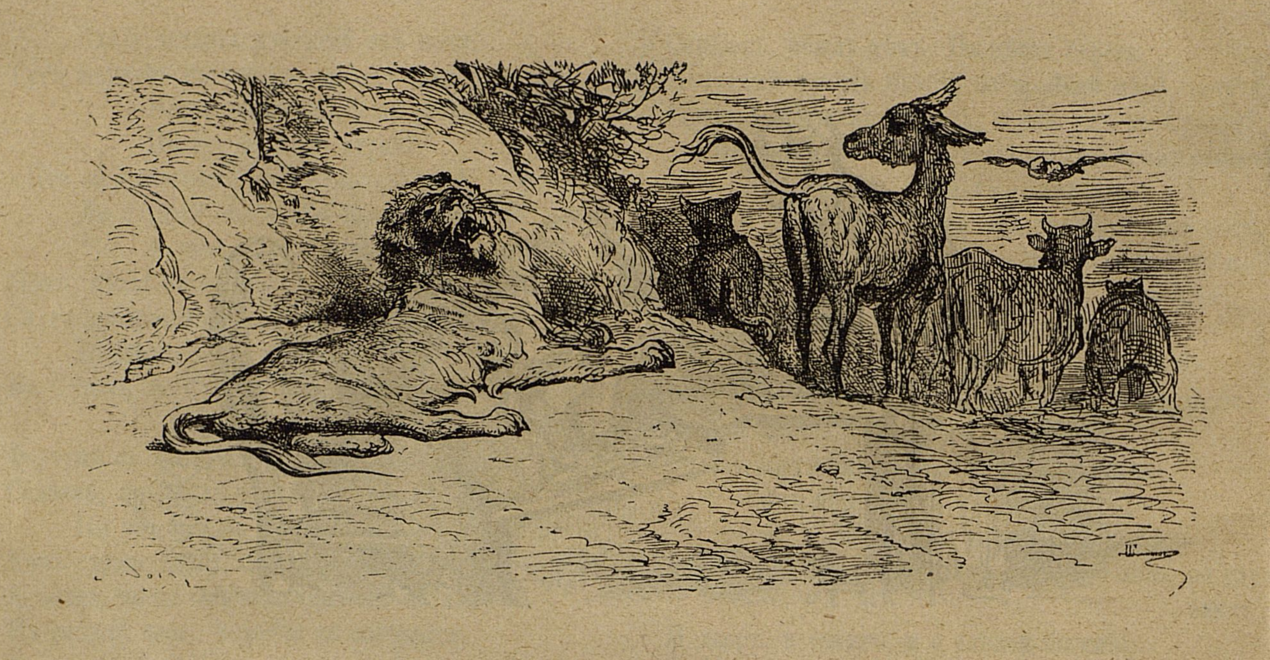
ПѢТУХЪ и ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: «куда оно?
Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнятъ!
А я-бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

И. А. Крыловъ.

ДРЯХЛЫЙ ЛЕВЪ.

Когда Левъ силенъ былъ и царствовалъ въ лѣсахъ, —
Какъ всѣ его боялись!
А сдѣлался Левъ старъ, всѣ звѣри взбунтовались.
На злыхъ одна узда — лишь страхъ.
Клятвопреступники присягу позабыли,
И своего царя ко смерти осудили, —
Царя, который былъ для нихъ всегда отцомъ.
Въ пещерѣ дряхлый Левъ лежалъ передъ концомъ
Одинъ, всѣхъ силъ лишенный,
Болѣзнью, голодомъ и жаждой изнуренный;
Отъ слабости едва-едва ужъ онъ стоналъ
И прежнее свое величье вспоминалъ.
Вдругъ, съ бѣшенствомъ къ нему убійцы прибѣжали,
На полумертваго напали:
Огромный, страшный Быкъ
Кололъ его рогами,
Конь билъ копытами, а Волкъ кусалъ зубами.
Скрѣпился бѣдный Левъ-старикъ:
Молчалъ, хотя страдалъ чрезъ мѣру;
Но видя, что Оселъ бѣжитъ къ нему въ пещеру,
Затрясся и взревѣлъ:
«О, боги! умереть я съ твердостью хотѣлъ,
И терпѣливо всѣ переносилъ мученья;
А отъ Осла снести не въ силахъ посрамленья!»

А. Е. Измайловъ.

ПАВЛИНЪ, ЖАЛУЮЩІЙСЯ ЮНОНѢ.

Павлинъ Юнонѣ говорилъ:
— «Меня Юпитеръ одарилъ
Противнымъ голосомъ... Въ природѣ
Онъ самый худшій въ птичьемъ родѣ...
Ужъ я не то, что соловей!
Простая птица, а вѣдь пѣнье
Его приводитъ въ восхищенье
Весной всѣхъ тварей и людей!»
Юнона въ гнѣвѣ отвѣчала:
— «О, злой завистникъ! Перестань!
Тебѣ-ль завидовать пристало
И возносить на небо брань?
Не ты ли носишь ожерелье
Съ роскошной радугой цвѣтовъ,
Что такъ похоже на издѣлье
Изъ ловко собранныхъ шелковъ?
Ты только плачешь, забывая
О томъ, что твой ужъ хвостъ одинъ
Похожъ, каменьями играя,
На ювелирный магазинъ!
Скажи-ка мнѣ, какая птица
Съ тобой съумѣла-бы сравниться
Такою массою чудесъ?
Нѣтъ совершенства въ группѣ птичьей,
Но каждой птицѣ данъ удѣлъ, —
Особый признакъ и отличье:
Орелъ отваженъ, гордъ и смѣлъ,
А соколъ легкостью гордится,
Ворона — вѣстникъ всякихъ бѣдъ,
А воронъ намъ открыть стремится
Глубокій мракъ грядущихъ лѣтъ...
И всѣ довольны... Не мѣшало-бъ,
Другъ, и тебѣ, забывъ мечты,
Не приносить мнѣ больше жалобъ,
Чтобъ не лишиться красоты,
Которой мной отмѣченъ ты!»

В. В. Жуковъ.

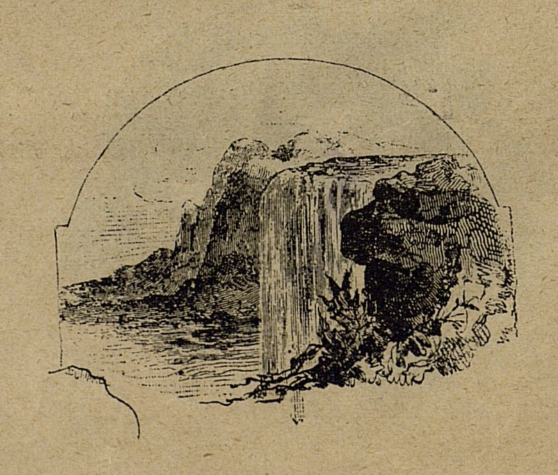

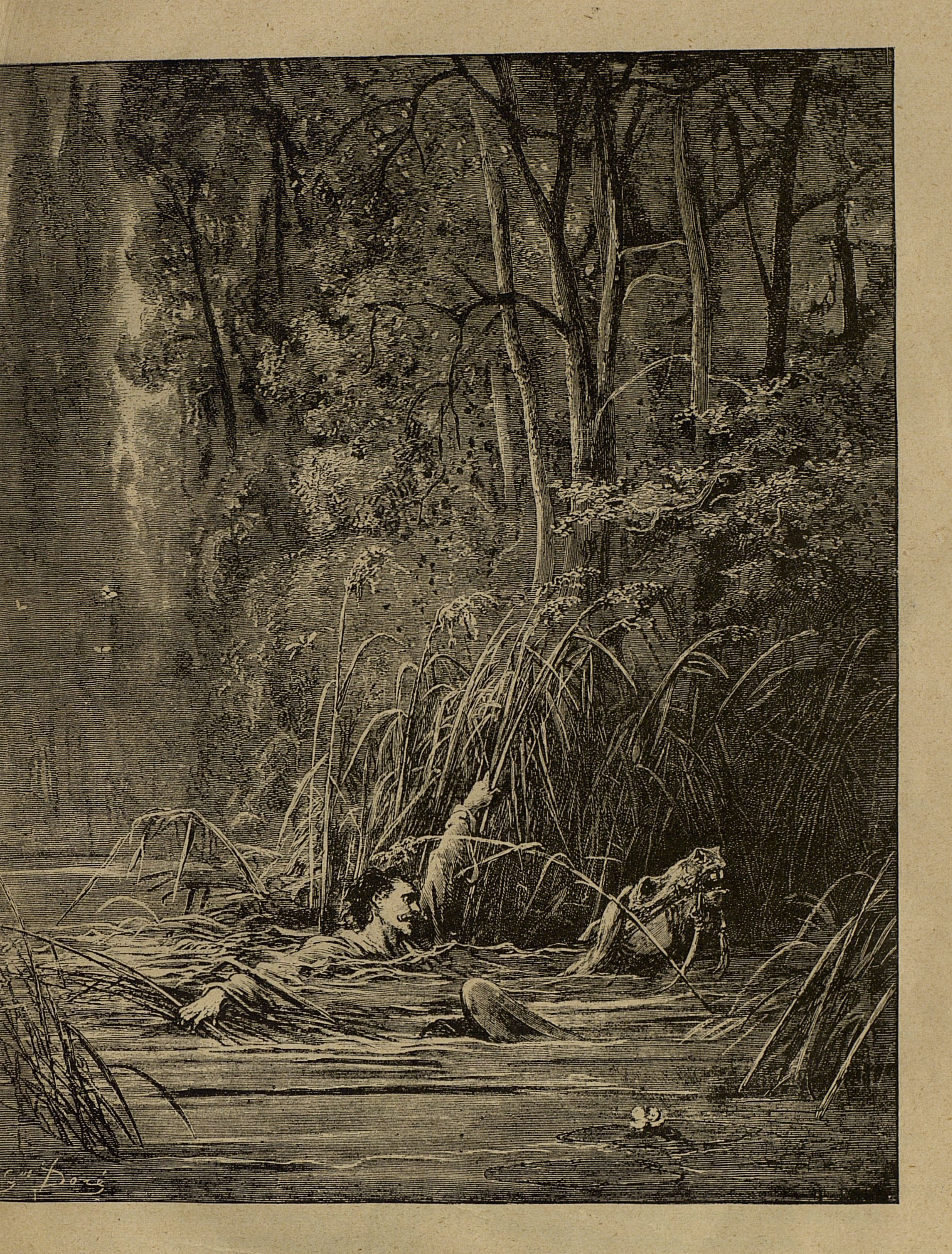
ВОДОПАДЪ и РѢКА.

Съ ужаснымъ шумомъ низвергался
Ручей кристальною стѣной
Съ горы высокой и крутой,
О камни съ пѣной раздроблялся,
Кипѣлъ, крутилъ песокъ, ревѣлъ,
И въ берегахъ стрѣлой летѣлъ;
Ни птица, ниже звѣрь, къ нему не приближались,
И ноги смертнаго въ него не опускались.
Нашелся, наконецъ,
Одинъ отважный молодецъ,
Который на конѣ черезъ него пустился:
Онъ отъ разбойниковъ бѣжалъ,
И смѣлымъ отъ боязни сталъ.
До бедръ конь только замочился,
И вынесъ на берегъ противный сѣдока.
Разбойники за нимъ. Онъ лошадь погоняетъ;
Скакалъ, скакалъ, и видитъ, что рѣка
Ему дорогу пресѣкаетъ. —
Рѣка была не широка;
Притомъ весьма тиха, какъ зеркало гладка:
И такъ, онъ смѣло въѣхалъ въ воду.
Но что-жъ? въ мгновеніе одно
Пошелъ съ конемъ на дно,
И на съѣденіе нѣмыхъ достался роду.

Иной угрюмъ, суровъ, сердитъ,
Шумитъ, но только не вредитъ;
Другой такъ смиренъ, тихъ и на рѣчахъ прекрасенъ;
Но онъ-то и опасенъ.

А. Е. Измайловъ.

ВОДОПАДЪ и РѢКА.

БЕЗХВОСТАЯ ЛИСИЦА.

Преосторожная, прехитрая Лисица,
Цыплятъ и куръ ловить большая мастерица,
На старости своей такъ сдѣлалась проста,
Что въ западню попалась;
Вертѣлась всячески, туда-сюда металась,
И вырвалась кой-какъ, но только безъ хвоста.
Какъ въ лѣсъ безхвостой показаться?
Плутовка вздумала на хитрости подняться.
Взявъ важный и степенный видъ,
Идетъ въ пещеру, гдѣ сбиралися лисицы.
«Подруги и сестрицы! —
Такъ говоритъ она: — какой намъ, право, стыдъ,
Что по сіе мы время
Всѣ носимъ гнусное и тягостное бремя, —
Сей хвостъ, который по земли
За нами тащится въ грязи, или въ пыли.
Какая польза въ немъ, скажите?
А вредъ весь отъ него я доказать могу.
Вы, вѣрно, сами подтвердите,
Что безъ хвоста быть легче на бѣгу,
Что часто за хвосты собаки насъ ловили;
Но если-бы теперь хвосты мы обрубили...»
— Остановись, остановись! —
Одна ей изъ сестеръ сказала.
«А что?» — Пожалуйста къ намъ задомъ обернись. —
Кургузая тутъ замолчала,
Попятилась назадъ и тотчасъ убѣжала.

«Какъ страшно замужъ выходить!»
Невѣстамъ всѣмъ твердитъ увядшая дѣвица.
Конечно, что́-жъ ей говорить?
Такая-жъ и она безхвостая Лисица.

А. Е. Измайловъ.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

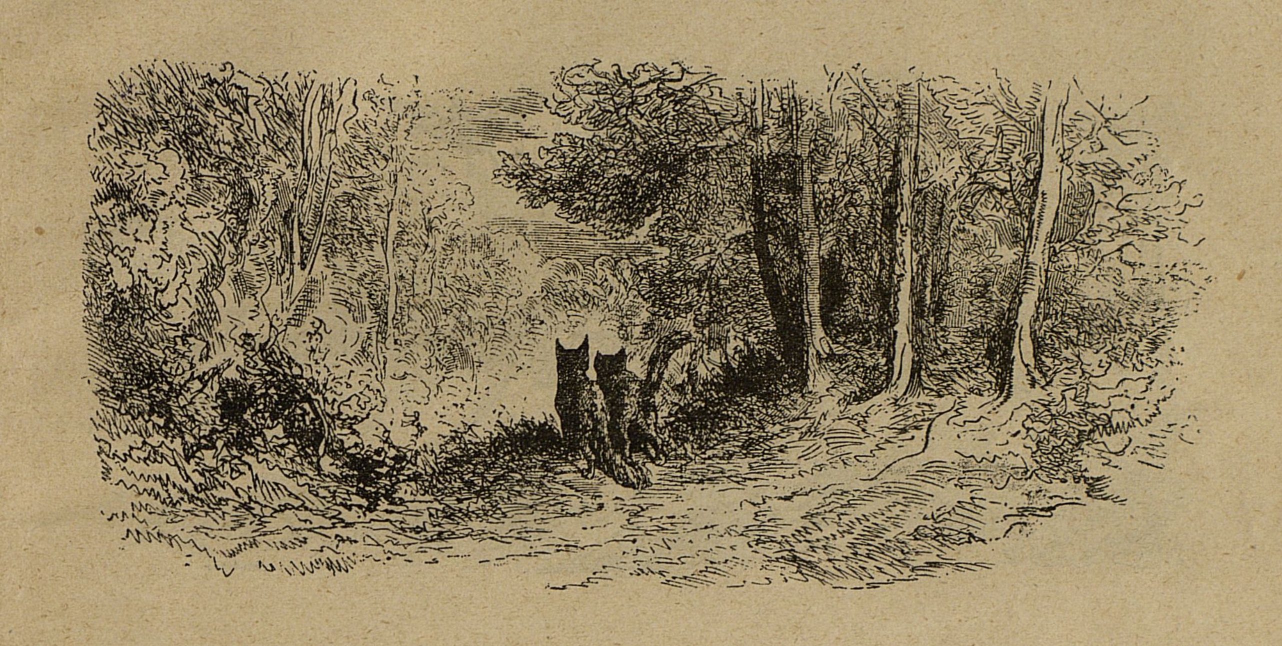
Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настежъ двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
Неумолимая, какъ сѣно, коситъ ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы.
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ;
Тѣ-жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ, какъ монахъ,
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ;
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь врозь живетъ,
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье?
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ левъ.
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души.
Сбрелись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза, и приложили уши.
«О, други!» началъ левъ: «по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому не вѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь — хоть это мнѣ и больно —
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ — за что? — совсѣмъ безвинно
Диралъ безчинно;
А иногда — кто безъ грѣха? —
Случалось, дралъ и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно;
Но лучше-бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того-бы въ жертву и принесть,
И было-бы богамъ то болѣе угодно».
— «О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты»,
Лисица говоритъ, «въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
Притомъ-же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ
Ихъ чаще такъ учить — имъ это подѣломъ:
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышетъ,
И нашими себя вездѣ царями пишетъ».

Окончила лиса; за ней, на тотъ-же ладъ,
Льстецы льву то-же говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ наперехватъ,
Что даже не въ чемъ льву просить и отпущенья.
За львомъ медвѣдь и тигръ, и волки, въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ;
И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычитъ: «и мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ».
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
«Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво-ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги!
Его, безчинника, съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть, и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!
Приговорили
И на костеръ вола взвалили.

И въ людяхъ также говорятъ:
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

И. А. Крыловъ.

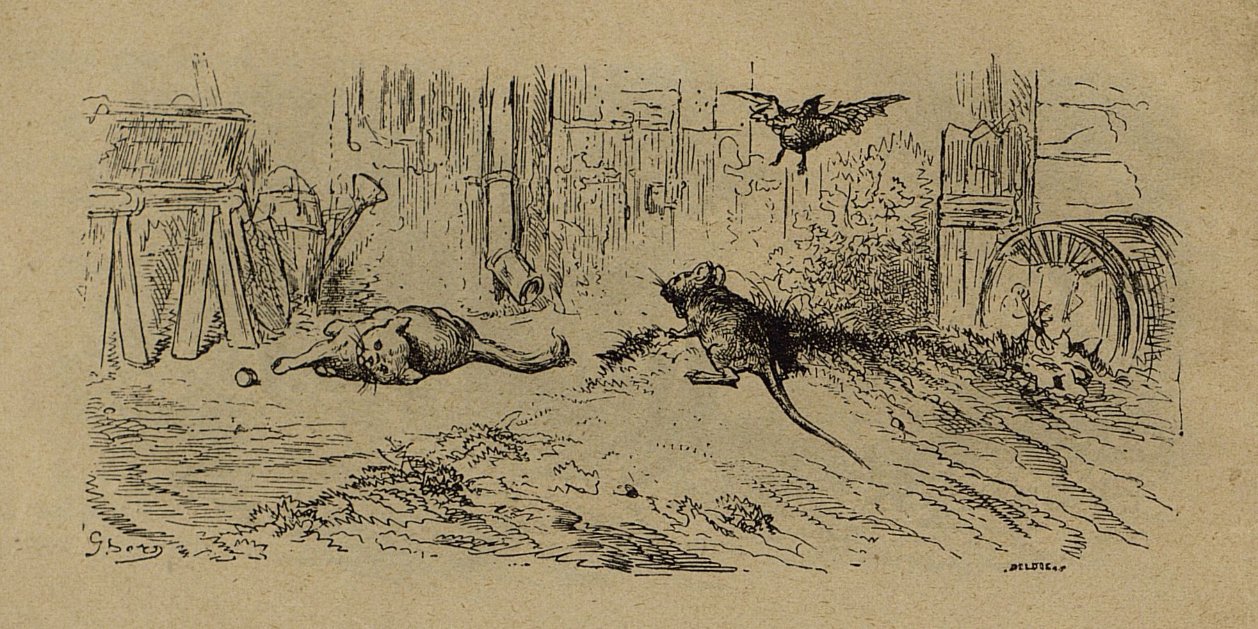
КОТЪ и ЛИСИЦА.

Съ Лисицей Котъ, какъ добрые святоши,
Паломничать отправились вдвоемъ.
Изъ нихъ двоихъ былъ каждый плутъ хорошій,
И дальній путь имъ стоилъ нипочемъ!
Въ одинъ прекрасный день отъ скуки и печали
Они другъ съ другомъ спорить стали,
Да и едва-ли
Развлечься способъ есть другой,
Какъ споръ горячій и большой!
— Спасенье, счастіе и сила, —
Лисица говорила, —
Не въ ловкости, мой другъ,
А въ хитрости... Ихъ до ста штукъ
Я нынче накопила.
А Котъ въ отвѣтъ:
— Ну, нѣтъ!
Чтобъ обмануть собачью стаю,
Одинъ лишь фокусъ я и знаю!
Споръ шелъ все громче!.. Такъ и сякъ
Они другъ друга убѣждали,
Покамѣстъ ихъ не услыхали
Толпы охотничьихъ собакъ...
Котъ молвилъ тутъ Лисицѣ:
— Ну, милая! Изволь-ка ухитриться!
А я...
Вотъ хитрость лучшая моя!..
Сказавши это, котъ счастливый
Вбѣжалъ на дерево и ловко и красиво...
Лисица-жъ бѣгала кругомъ,
То такъ, то этакъ ухищрялась
И обмануть собакъ старалась
Лисичьей сметкой и умомъ...
Но легконогія собаки,
Въ охотѣ ловкія во всемъ,
Догнавъ ее, прикончили безъ драки!

Избытокъ средствъ нерѣдко портитъ дѣло!
Имѣй одно, — но пользуйся умѣло.

В. В. Жуковъ.

ПѢТУХЪ, КОТЪ и МЫШЕНОКЪ.

О ДѢТИ, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!—
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
«Оставя нашу нору,
«И перебравшися чрезъ гору,
«Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
«Какъ молодой Мышенокъ,
«Который хочетъ показать,
«Что онъ ужъ не ребенокъ.
«Вдругъ съ размаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
«Какіе звѣри, самъ не зналъ;
«Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
«Такъ миловиденъ былъ собою!
«Другой: нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ бою;
«Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
«Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
«Какой-то огненнаго цвѣта,
«И будто двѣ руки, служащи для полета;
«Онъ ими такъ махалъ,
«И такъ ужасно горло дралъ,
«Что я, таки не трусъ, а подавай богъ ноги —
«Скорѣе отъ него съ дороги.
«Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
«Нашелъ наставника и друга!
«Въ глазахъ его была написана услуга;
«Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
«Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
«Смиренны, кроткіе, но полные огня!
«Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня.
«Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
«А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
«Что у него должна быть симпатія съ нами,
«Высокородными Мышами».
— «А я тебѣ на то скажу», —
Мышенка мать остановила: —
«Что этотъ доброхотъ,
«Котораго тебя наружность такъ прельстила,
«Смиренникъ этотъ... Котъ!
«Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
«Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
«Не только отъ него не видимъ мы вреда,
«Иль огорченья,
«Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
«Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья».

И. И. Дмитріевъ.

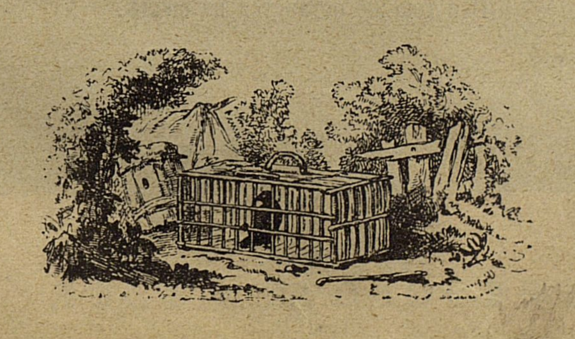

ВОРОНЕНОКЪ.

Орелъ
Изъ подъ-небесъ на стадо налетѣлъ,
И выхватилъ ягненка;
А вóронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: «ужъ брать, такъ брать!
А то и когти что марать!
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты;
Ну только-ль въ стадѣ что ягняты?
Вотъ я, какъ захочу,
Да налечу,
Такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!»
Тутъ воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматривалъ, сличалъ, и выбралъ, наконецъ,
Барана, да какого!
Прежирнаго, прематераго,
Который доброму-бъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь, на него спустился
И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.
Тогда-то онъ узналъ, что добыча не по немъ.
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ
Тулупъ такой былъ прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ
Затѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.
Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окорнали,
И дѣтямъ отдали играть.

И. А. Крыловъ.

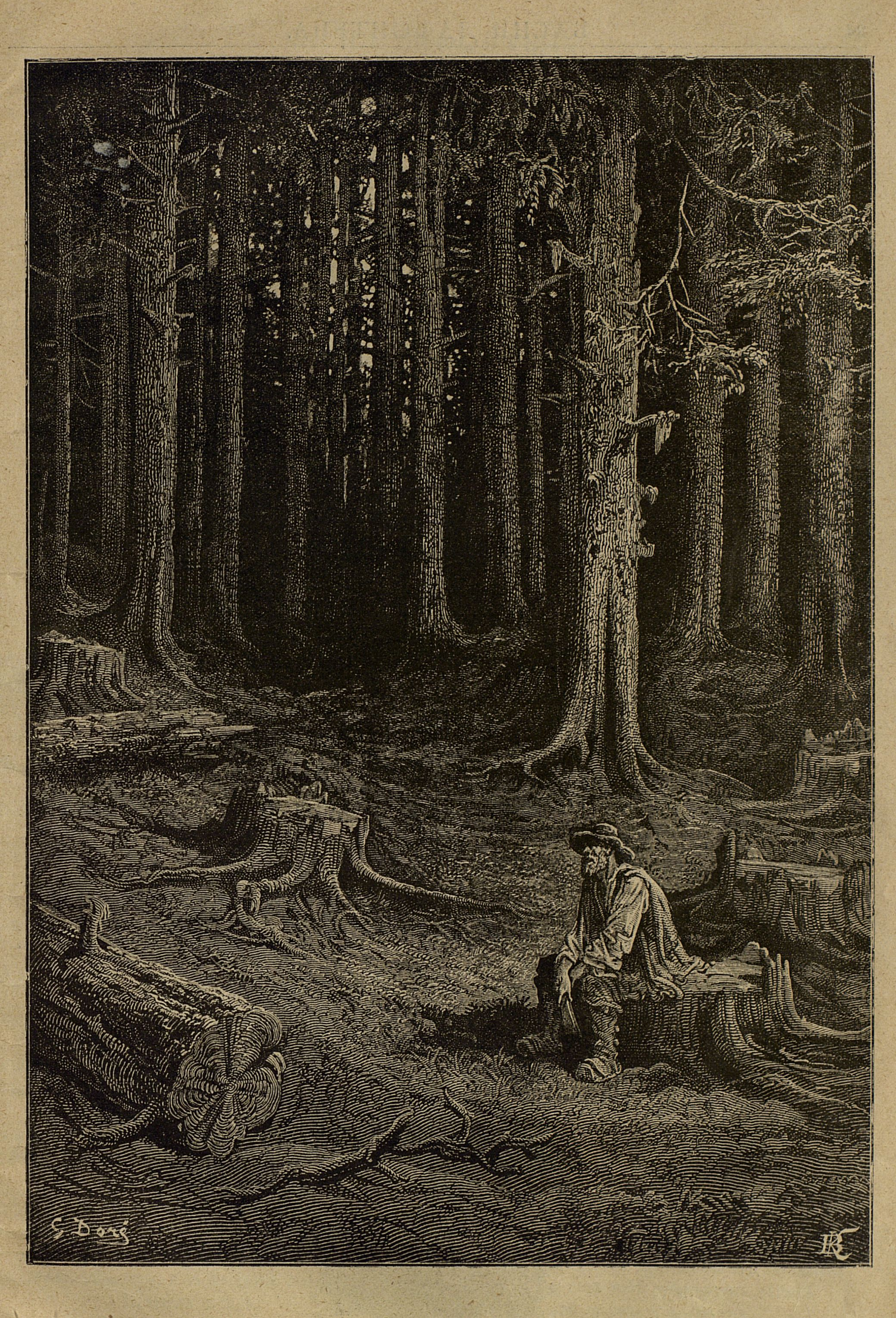

ЛѢСЪ И ДРОВОСѢКЪ.

Какой-то дровосѣкъ сломалъ иль потерялъ
Свой топорище; что за диво!
Когда-бы лѣсъ себя не охранялъ
Бѣду поправилъ-бы онъ живо.
И лѣсъ онъ началъ умолять, —
Позволить осторожно взять
Ему лишь вѣтку небольшую,
Чтобъ сдѣлать рукоять другую.
На заработокъ онъ отсюда-де уйдетъ,
Пусть этотъ лѣсъ спокойно здѣсь ростетъ,
Пусть сосны и дубы цвѣтутъ здѣсь на просторѣ...
Лѣсъ сжалился надъ нимъ, — и далъ, себѣ на горе,
Оружіе ему. Топоръ опять готовъ,
Но дровосѣкъ безъ дальнихъ словъ,
Какъ прежде вновь вооруженный
Тотъ лѣсъ рубить нещадно сталъ, —
И лѣсъ невинный застоналъ,
Своимъ-же даромъ пораженный!

Таковъ и свѣтъ; случается подчасъ
Сумѣютъ обратить вашъ даръ противу васъ.
Я говорить усталъ объ этомъ! Иль безплодно
Мы всѣ грустимъ, что все, что чисто, благородно
Всегда добычей станетъ зла!
Увы! напрасенъ крикъ, и тщетны рѣчи эти, —
Неблагодарность, какъ была,
Все тою-же останется на свѣтѣ.

Ф. Талинъ.

ЛѢСЪ и ДРОВОСѢКЪ.

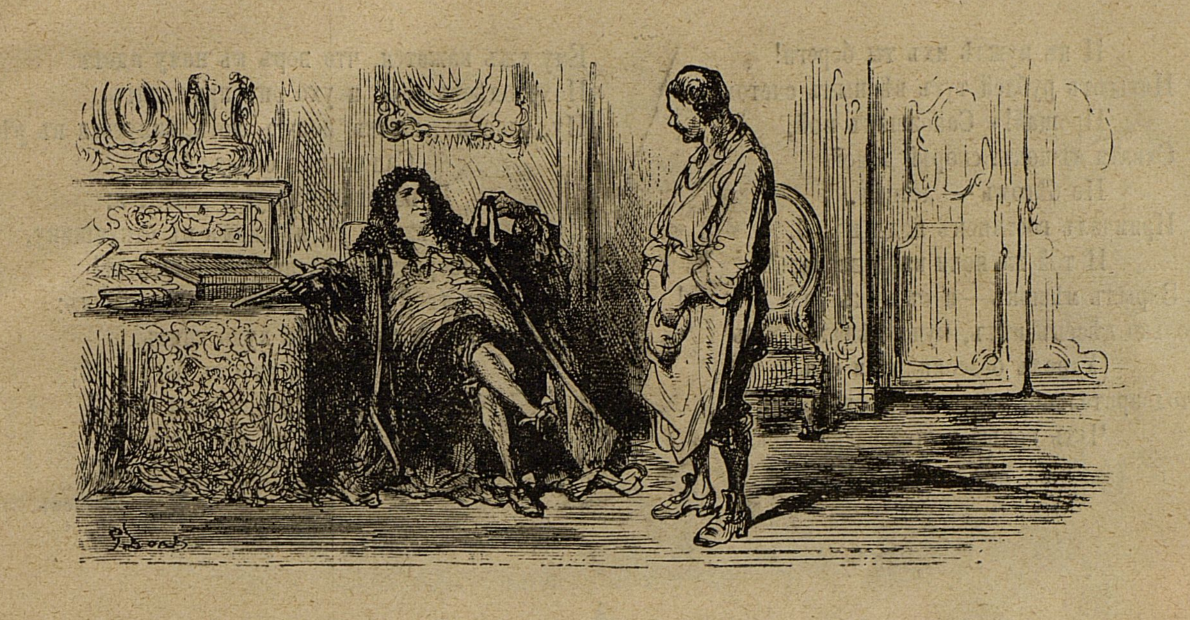
КОРШУНЫ и ГОЛУБИ.

Всесильной волею Арея,
Давно когда-то, встарину,
Въ воздушныхъ сферахъ грозно рѣя,
Вели пернатыя войну.
То воевали не пичуги,
Что, понабравшись силъ на югѣ
И къ намъ весной слетаясь вновь,
Поютъ про счастье и любовь,
То съ клювомъ загнутымъ, упругимъ,
Боролись коршуны другъ съ другомъ.
Летѣли перья, пухъ летѣлъ,
Валились груды мертвыхъ тѣлъ,
И кровь струилася потокомъ!
Заря-ль всходила надъ востокомъ,
Иль мѣсяцъ въ небѣ выплывалъ,—
Какъ, точно въ морѣ съ валомъ валъ,
Враги другъ съ дружкою сшибались...
Такъ дѣло шло не мало дней,
И стѣны ада наполнялись
Толпами новыми тѣней...
И вотъ, въ концѣ концовъ, уныло
Война такая возбудила
Прискорбье въ сердцѣ голубей...
Они собрались и рѣшили,
Что надо дѣйствовать безъ словъ:
Пословъ послали и смирили
Порывы грозные враговъ...
И что-же вышло въ заключенье?..
А то, что первыхъ примиренье —
Хотя и легкое какъ дымъ—
Несчастьемъ сдѣлалось вторымъ...
Вѣдь, эти коршуны — едва-ли
Въ другое время убивали
Такую массу голубей,
Какъ послѣ мира въ пять-шесть дней...

И подѣломъ,—скажу я смѣло:
Теперь, по нашимъ временамъ,
Чтобъ поразить враговъ умѣло,
Ихъ перессорить нужно намъ!

В. В. Жуковъ.

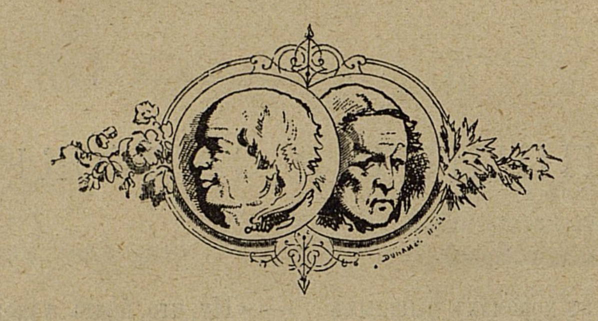

ОТКУПЩИКЪ и САПОЖНИКЪ.

Богатый откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
По всякій день давалъ пиры, банкеты;
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край.
И словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго-ль боится онъ суда,
Иль, просто труситъ разориться:
Да только все ему некрѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца, сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ,
Сапожникъ; но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать: такъ власти нѣтъ;
Просилъ: такъ просьба не беретъ.
Придумалъ, наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
«Пріятель дорогой, здорово!»
— «Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово».
— «Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?»
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).
— «Дѣлишки, баринъ? Да не худо!»
— «Такъ оттого-то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?»
— «На Бога грѣхъ роптать, и что-жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода:
А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй».
— «И деньги есть?» — «Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ,
Зато нѣтъ лишнихъ и затѣй».
— «Итакъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?»
— «Я этого не говорю,
Хоть Бога и за то, что есть, благодарю;
Но самъ ты, баринъ, знаешь,
Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало».
— «Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также непріятства;
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возьми же, вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ:
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки разжился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,

И къ нуждѣ ихъ ты береги!
Пятьсотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!» Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ — летомъ.
Примчалъ гостинецъ подъ полой,
И той же ночи въ подземельѣ
Зарылъ мѣшокъ—и съ нимъ свое веселье!
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ
(Узналъ безсонницу и онъ!);
Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь, и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла, хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ откупщику,
И говоритъ: «спасибо на пріятствѣ!
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ:
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ ни милліонъ».

И. А. Крыловъ.

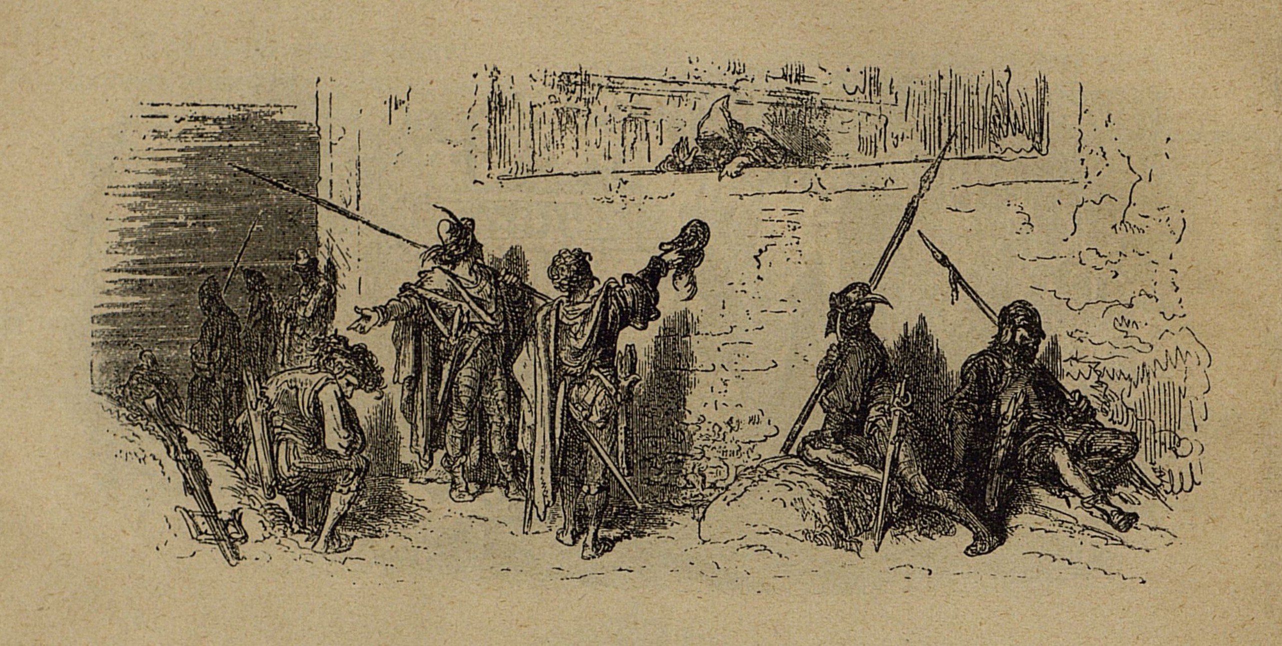

ЛИСА и ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горятъ;
Лишь то бѣда—висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ не зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ неймется.
Пробившись по пусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою: «ну, что жъ?
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь».

И. А. Крыловъ.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Восточны жители въ преданіяхъ своихъ
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ,
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ голландскій сыръ.
Тамъ, святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего-же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче — на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для него.
Однажды предъ нею явилось, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошечья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ держалъ.
«Всеобща бѣдность и невзгода»,
Посольство говоритъ, «причиною, что мы
«Несемъ пустыя лишь сумы;
«Что было съ нами, все проѣли,
«А путь еще далекъ! и для того посмѣли
«Зайти къ тебѣ и бить челомъ
«Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ».—
Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ
И лапки положа на грудь свою крестомъ:
«Возлюбленны мои!» смиренно отвѣчала,
«Я отъ житейскаго давно уже отстала;
«Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
«Да ниспошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
«Молить Его за васъ готова».
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту Мышь?
Монахъ? — Избави Богъ и думать! нѣтъ, дервишъ.

И. И Дмитріевъ.

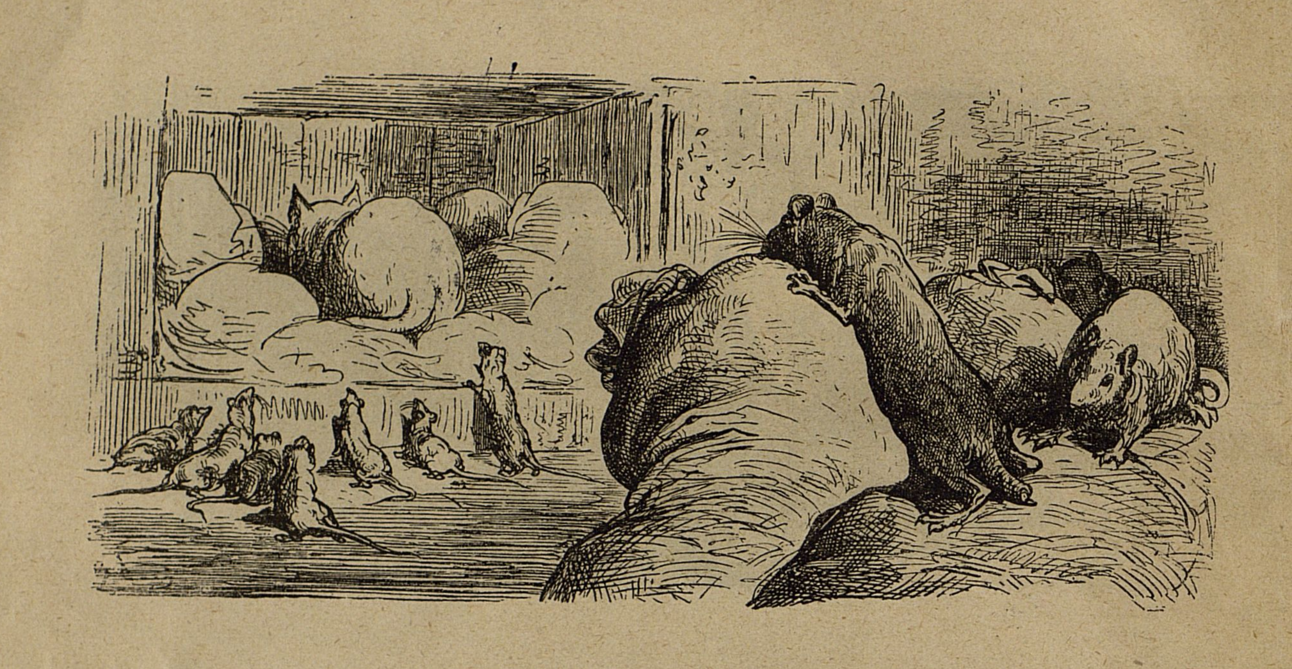
ВОРОНА и ЛИСИЦА.

УЖЪ сколько разъ твердили мiру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала;
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ.
Лисица видитъ сыръ — Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
«Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право, сказки!
Какiя перышки, какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскiй быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!»
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло —
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

И. А. Крыловъ.

КОТЪ и СТАРАЯ КРЫСА.

Какой-то котъ,—гроза мышей,
Примѣрной службою своей,
И кровожадностью, и силой
Прослывшій въ округѣ Аттилой,—
Задумалъ истребить въ одинъ походъ
Не только у себя въ холодной клѣти,
Но весь на свѣтѣ
Крысиный родъ.
Умолкли крысы... ихъ головки
Не помышляютъ о быломъ...
Что имъ пустыя мышеловки
Въ сравненіи съ котомъ!
А котъ въ восторгѣ, въ восхищеньи,
И чтобъ поболѣе явить свое умѣнье
Онъ, наконецъ,
Внизъ головой повѣсился, хитрецъ!
Не дышетъ грудь... не слышно храпа...
Совсѣмъ мертвецъ...
(А, между тѣмъ, за шнуръ вцѣпилась лапа).
Крысиный родъ рѣшилъ,
Что котъ, должно быть, нашалилъ:
Укралъ жаркое,
Иль что другое—
Ну, словомъ, пойманъ былъ
И, безъ сомнѣнья,
Повѣшенъ былъ за преступленье!

И вотъ
Крысиный родъ
Пошелъ къ коту на погребенье.
Шныряютъ, бѣгаютъ, скребутъ
И торжества, въ восторгѣ, ждутъ...
Но вдругъ... о, ужасъ!.. Котъ сорвался,
Двухъ-трехъ ближайшихъ крысъ поймалъ
И такъ сказалъ:
—Васъ наказать не такъ я собирался!
Вѣдь это что?!! Я знаю планъ другой!
Ступайте-ка покудова домой!
Котъ не совралъ. Осыпавшись мукою,
Въ квашню забрался онъ,
И крысы всѣ, со всѣхъ сторонъ,
Къ нему посыпались толпою.
Но крыса старая (конечно, не спроста:
Была та крыса безъ хвоста)
Коту на это проворчала:
— Не соблазняюсь я ни мало,
Будь ты хоть не котомъ,
А впрямь мучнымъ мѣшкомъ!

Старуха вѣрно разсуждала,
И можно-ль лучше разсуждать?
Вѣдь недовѣрчивость есть счастья мать
И безопасности начало!

В. В. Жуковъ.

КОТЪ и СТАРАЯ КРЫСА.

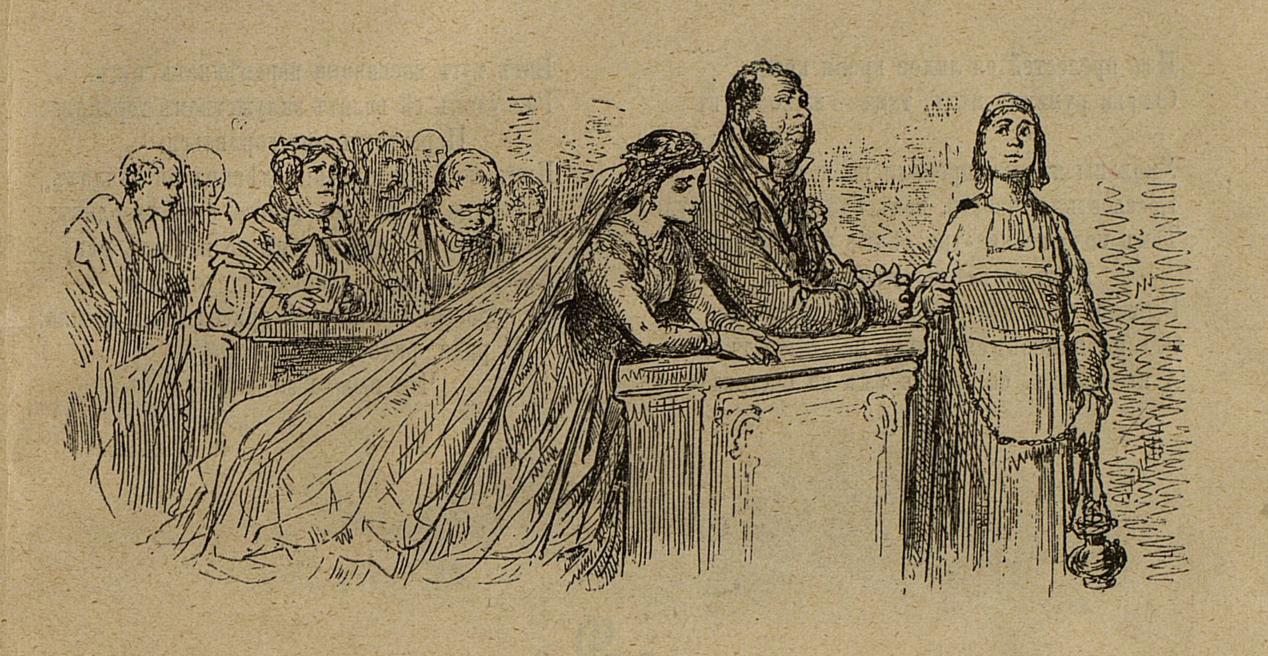

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

НАБРАВЪ валежнику порой холодной, зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной.
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ собой:
«Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ тому жъ жена и дѣти,
А тамъ подушное, боярщина, оброкъ...
И выдался ль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостный денекъ?»
Въ такомъ унынiи, на свой пеняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть; она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась вмигъ
И говоритъ: «зачѣмъ ты звалъ меня, старикъ?»
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ, оторопѣвъ:
«Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.»

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

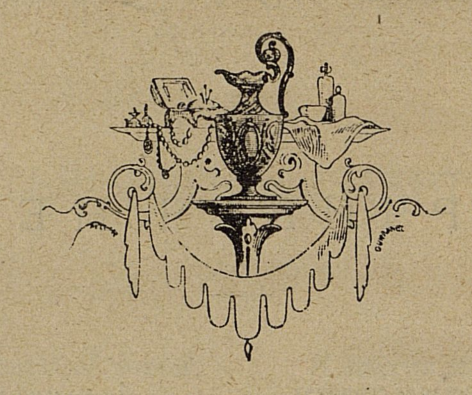

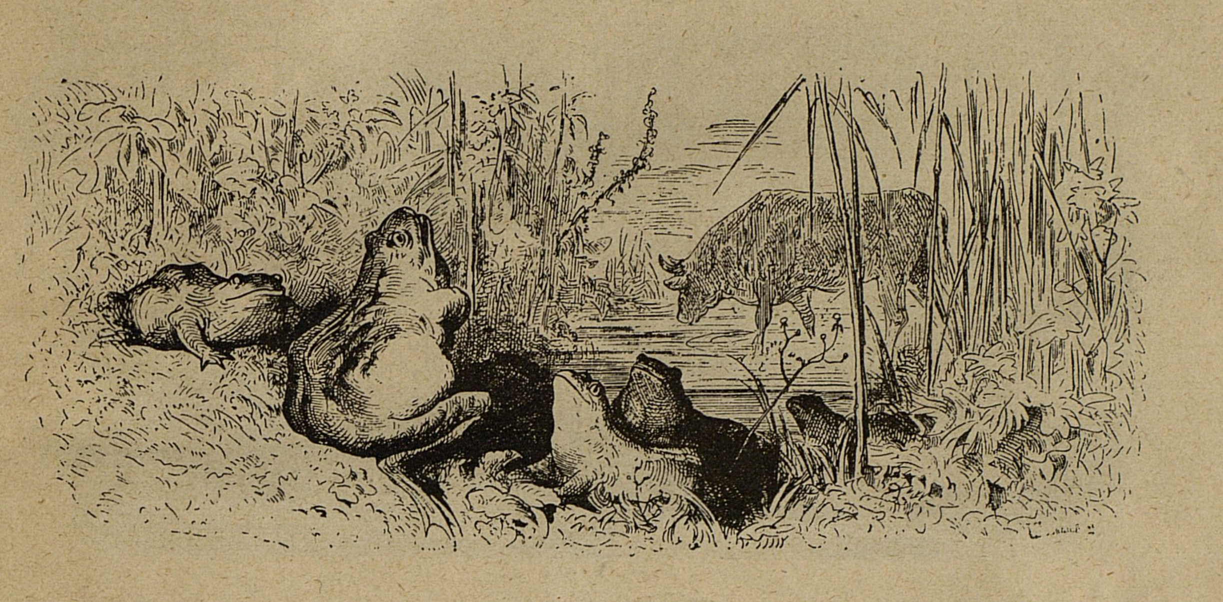
РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха;
Тутъ нѣтъ еще грѣха,
Да вотъ что грѣхъ: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ-
бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имѣлъ. Кто-жъ можетъ все
имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любилъ ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ, и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ,
А ей они на взглядъ—
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ-бы и въ чинахъ, да жаль, карманы
пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ; тамъ не такъ;
Ну, не прійдетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней ужъ руки.
«Какіе простаки!»
Твердитъ красавица: «по ихъ-ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду-ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ будто-бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не
пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ;
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлый:
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь

Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ—живости въ
глазахъ;
Умильны ямочки пропали на щекахъ;
Веселость, рѣзвости какъ будто ускользнули;
Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бываетъ тѣсно;
А нынѣ, ахъ, ее зовутъ ужъ на бостонъ!
Вотъ тутъ спесивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

И. А. Крыловъ.

ЛЯГУШКА И ВОЛЪ.

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться —
Она завистлива была —
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
«Смотри-ка, квакушка, что, буду-ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ. — «Нѣтъ, кумушка, далеко!»
— «Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась-ли я?» — «Почти что ничего».
— «Ну, какъ теперь?» — «Все то-жъ».
Пыхтѣла да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и—околѣла.

И. А. Крыловъ.

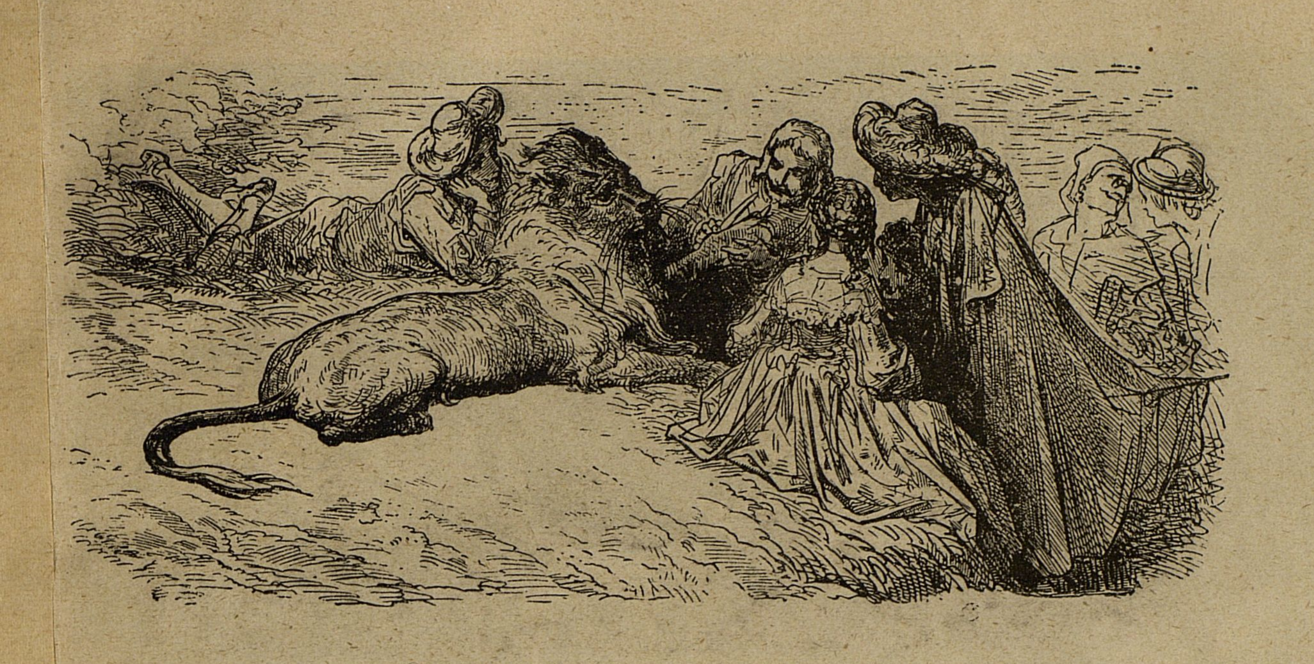
КОШКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ ВЪ ЖЕНЩИНУ.

Былъ въ старину такой дуракъ,
Что въ Кошку по-уши влюбился;
Не могъ онъ жить безъ ней никакъ:
Съ ней вмѣстѣ ночью спать ложился,
Съ одной тарелки съ нею ѣлъ,
И, наконецъ, на ней жениться захотѣлъ.
Онъ сталъ Юпитеру молиться съ теплой вѣрой,
Чтобъ Кошку для него въ дѣвицу превратилъ.
Юпитеръ внялъ мольбѣ и чудо сотворилъ:
Дѣвицу красную изъ Машки-Кошки сѣрой!
Чудакъ отъ радости чуть не сошелъ съ ума:
Ласкаетъ милую, цѣлуетъ, обнимаетъ,
Какъ куклу наряжаетъ.
Безъ памяти невѣста и сама,
Охотно руку дать и сердце обѣщаетъ:
Женихъ не старъ, пригожъ, богатъ еще притомъ
Какая разница съ котомъ!
Скорѣй къ вѣнцу; и вотъ они ужъ обвѣнчались
Всѣ гости разошлись, они одни остались.
Супругъ супругу раздѣвалъ,
То пальчики у ней, то шейку цѣловалъ;
Она сама его, краснѣя, цѣловала,
Вдругъ вырвалась и побѣжала...
Куда-же?—Подъ кровать: увидѣла тамъ мыш

Природной склонности ни чѣмъ не истребиш

А. Е. Измайловъ.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ЛЕВЪ.

У СЕВИНЬЕ, всѣ прелести которой
Служили граціямъ прекраснымъ образцомъ!
Прочтите басню безъ укора
И не пугайтесь передъ львомъ!
Онъ, вопреки безсильному злословью,
Былъ усмиренъ всесильною любовью.
Любовь — есть нѣчто странное во всемъ,
И счастливъ тотъ, кто съ нею не знакомъ...

Какой-то левъ, изъ важнаго сословья,
Пастушку встрѣтилъ на лугу
И воспылалъ къ ней страстною любовью,
Какой любить я, право, не могу!
Онъ сталъ ухаживать за нею,
Отца ея повергнувши въ печаль.
А тотъ искалъ зятька себѣ смирнѣе,
Да, вѣдь, ему и дочки было жаль.
Но какъ откажешь? Вѣдь, опасно!
И зналъ то онъ прекрасно
(Кто съ этимъ дѣломъ не знакомъ?)
Что обвѣнчаться можно и тайкомъ,—
Тѣмъ паче, дочь его ни мало
Любовь слѣпая не пугала!
Отецъ промолвилъ тутъ:
— «Послушай-ка, зятекъ,
Вѣдь, дочь моя нѣжна, какъ фея сказки,
А твой-то ноготокъ
Совсѣмъ устроенъ не для ласки!
Такъ вотъ, коль хочешь зятемъ быть,
То, не боясь за цѣлость шубы,
Изволь-ка когти обрубить,
Да подпилить получше зубы!
Твой поцѣлуй тогда не будетъ грубый,
Да и жена
Съ тобою будетъ болѣе нѣжна!»...
Левъ согласился!.. Ослѣпила
Его коварная любовь,
Но безъ когтей и безъ зубовъ
Исчезла въ немъ былая сила,
И стая псовъ
Отъ сватовства безумца отучила...

Любовь, любовь!.. И я скажу въ раздумьѣ,—
Когда мы страстью возгоримъ,
Мы говоримъ:
Прощай, прощай, благоразумье!

В. В. Жуковъ.

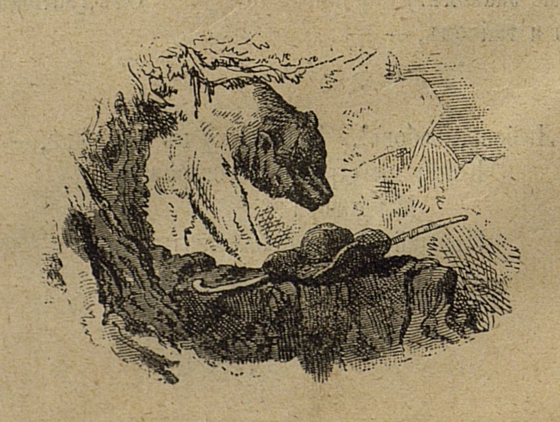

МЕДВѢДЬ и ДВА ОХОТНИКА.

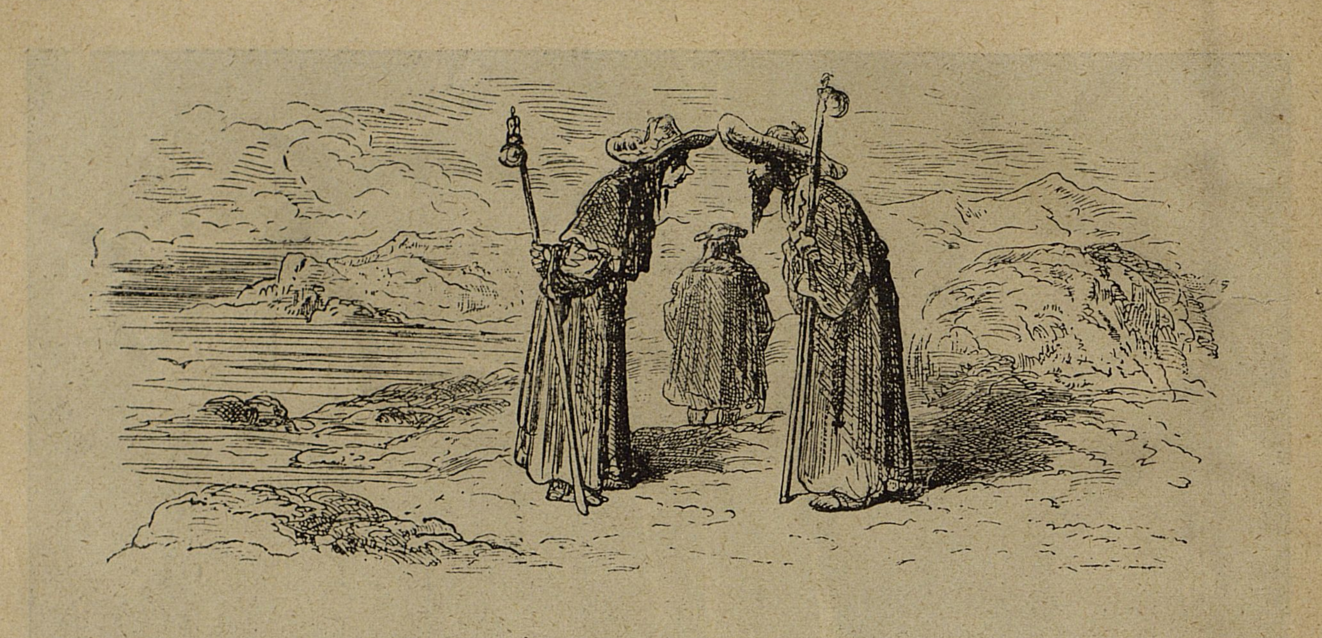
ЛИХIЕ два у насъ охотника здѣсь были;
Случилось запродать медвѣжью кожу имъ:
Медвѣдя хоть они еще и не убили,
Но думали убить,—и долго ли вдвоемъ?
Принесть покупщику мѣхъ славный обѣщали,
Въ задатокъ денегъ взяли,
Поѣли, выпили, пустились смѣло въ лѣсъ,
И вдругъ навстрѣчу пырь медвѣдь къ нимъ изъ берлоги.
У нихъ тутъ подкосились ноги.
Одинъ на сосну взлѣзъ,
Другой же мертвымъ притворился,
Ничкомъ на землю палъ,
Не шевелился, не дышалъ.
Звѣрь страшный и мохнатый
Приблизился къ нему, и такъ его проклятый
Перевернулъ, обнюхалъ раза два,
Что тотъ едва, едва
Не закричалъ, и кой ужъ какъ скрѣпился;
Но, къ счастiю, Медвѣдь великiй былъ глупецъ,
А можетъ быть и трусъ, что тотчасъ удалился;
Смѣльчакъ тутъ съ дерева спустился;
Открылъ глаза мертвецъ.
Ощупалъ самъ себя, вздохнулъ и приподнялся:
«Съ тобою, братъ, Медвѣдь шептался?»
Товарищъ у него спросилъ:
«Скажи, что на ухо тебѣ онъ говорилъ?»
— Что по порядку должно
Медвѣдя напередъ убить,
А послѣ этого ужъ можно
И мѣхъ продать, и пить.

А. Е. Измайловъ.

МЕДВѢДЬ и ДВА ОХОТНИКА.

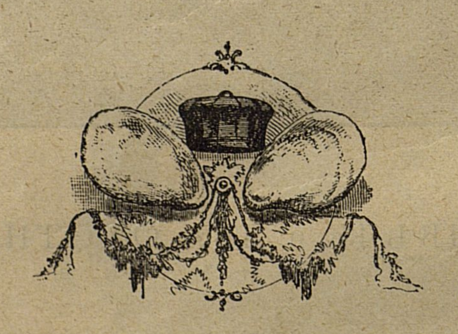

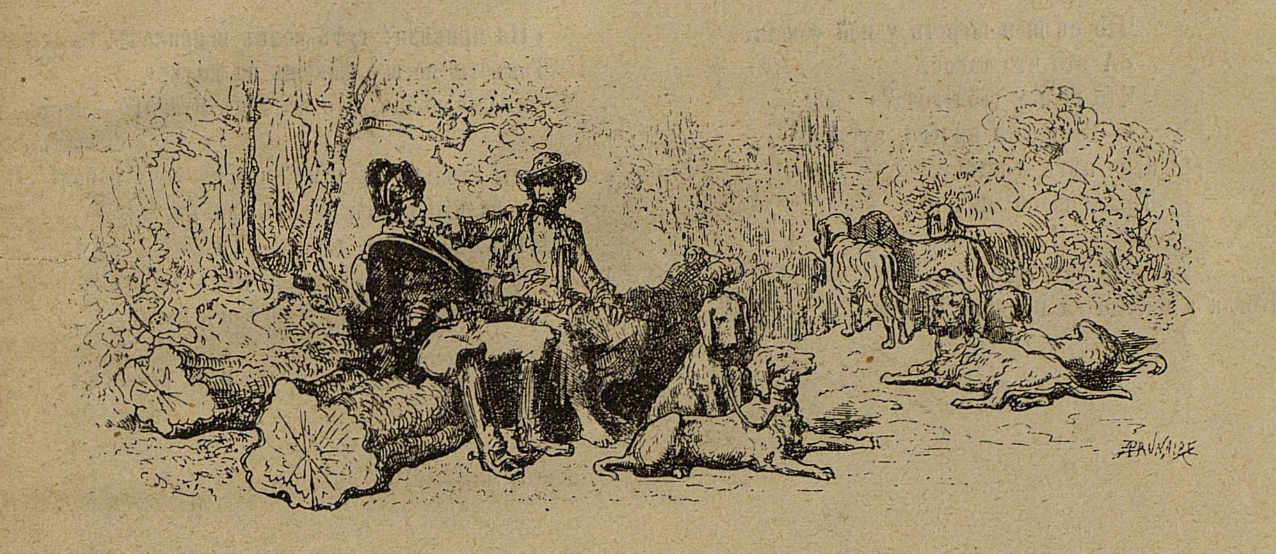
УСТРИЦА И ДВОЕ ПРОХОЖИХЪ.

Шли два прохожіе по берегу морскому
И видятъ, устрица большая на пескѣ
Лежитъ отъ нихъ невдалекѣ.
«Смотри, вонъ устрица!» сказалъ одинъ другому;
А тотъ нагнулся ужъ и руку протянулъ.
Товарищъ тутъ его толкнулъ,
И говоритъ: «Пожалуй, не трудися,
Я подыму и самъ: вѣдь устрица моя».
— Да, какъ бы не твоя! —
«Я указалъ тебѣ...» — Что ты! перекрестися.
«Конечно, первый я увидѣлъ...» — Вотъ-те разъ!
И у меня остеръ, братъ, глазъ.
«Пусть видѣлъ ты, а я такъ даже слышалъ носомъ».
Еще у нихъ продлился-бъ споръ,
Когда-бъ не подоспѣлъ судья къ нимъ *Миротворъ!*
Онъ началъ съ важностью по формѣ судъ допросомъ,
Взялъ устрицу, открылъ —
И проглотилъ.
«Ну, слушайте», сказалъ, «теперь опредѣленье:
По раковинѣ вамъ дается во владѣнье;
Ступайте съ миромъ по домамъ».

Всѣ тяжбы выгодны лишь стряпчимъ, да судьямъ.

А. Е. Измайловъ.

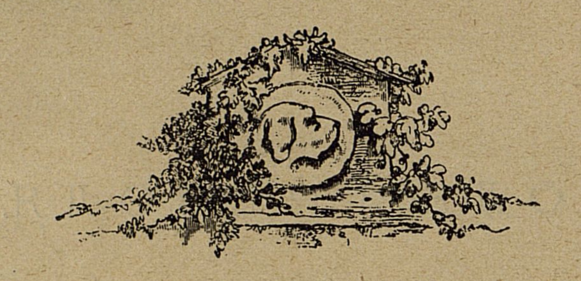

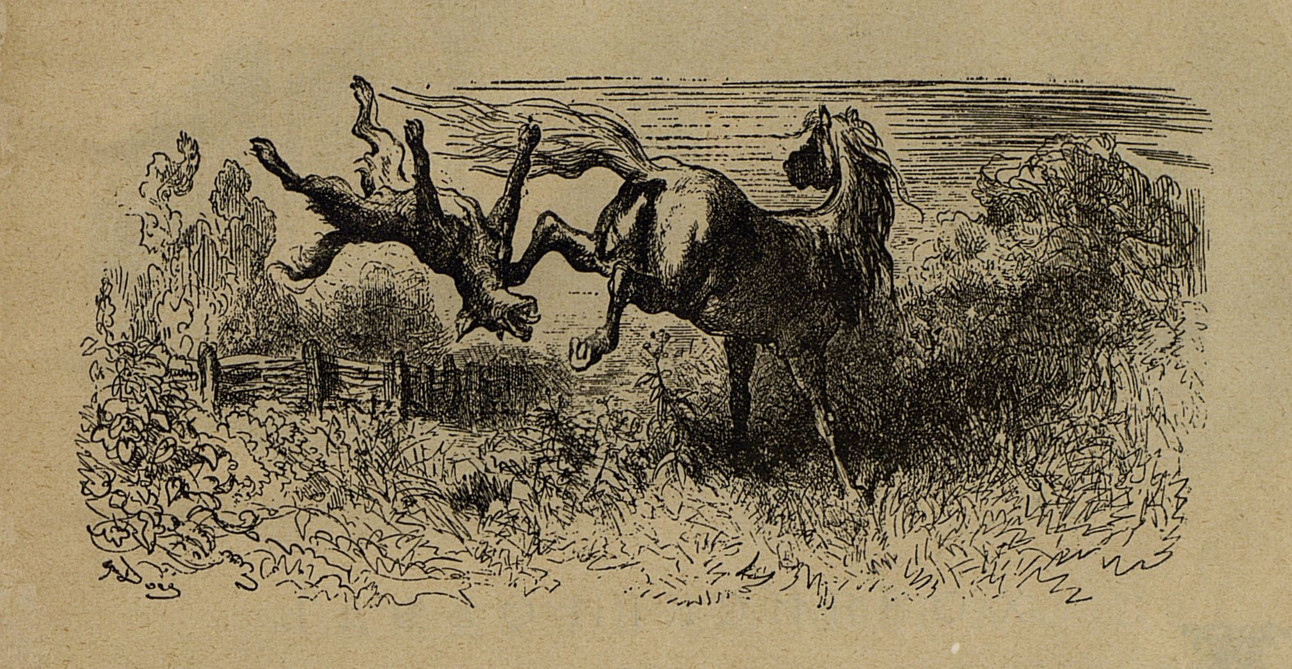
ВОЛЯ и НЕВОЛЯ.

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
Былъ тощъ, худой
Такой,
Что кости лишь однѣ да кожа.
И волку этому случись
Съ собакою сойтись,
Которая была собой росла пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волкъ радъ бы всей душой съ собакою схватиться
И ею поживиться,
Да полно для того не смѣлъ,
Что не по немъ была собака
И не по немъ была бы драка.
Итакъ со стороны учтивой подошелъ,
Лисой къ ней началъ подбиваться,
Ея дородству удивляться
И всячески ее хвалить.
«Не стоитъ ничего тебѣ такимъ же быть»,
Собака говоритъ: «какъ скоро согласишься
Идти со мною въ городъ жить,
Ты будешь весь иной и такъ переродишься,
Что самъ себѣ не надивишься.
Что ваша жизнь, и впрямь?
Скитайся все, рыщи
И съ горемъ пополамъ поѣсть чего ищи,
А даромъ и кускомъ не думай поживиться:
Все съ бою должно взять!
А это на какую стать?
Куда такая жизнь годится?
Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то, право, въ васъ?
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ испитые,
Поджарые, худые!
Нѣтъ, то-то жизнь-то какъ у насъ!
Ѣшь, не хочу, всего, чего душа желаетъ!
Послѣ гостей,
Костей, костей,
Остатковъ отъ стола,—такъ столько ихъ бываетъ,
Что некуда дѣвать!
А ласки отъ господъ ужъ подлинно сказать!»
Растаялъ волкъ, услыша вѣсть такую,
И даже слезы на глазахъ
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.
«А должность отправлять за это мнѣ какую?»
Спросилъ собаку волкъ.
«Что? должность? ничего!
Вотъ только лишь всего:
Чтобъ не пускать на дворъ чужого никого,
Къ хозяину ласкаться
И около людей домашнихъ увиваться!»
Волкъ, слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ
И лѣсъ ему такъ омерзѣлъ,
Что про него онъ ужъ и думать не хотѣлъ,
И всѣхъ волковъ себя счастливѣе считаетъ.
Вдругъ, на собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,

Что съ шеи шерсть у ней сошла.
«А это что такое,
Что шея у тебя гола?»
—Такъ, это ничего, пустое.
«Однако нѣтъ, скажи».
— Такъ, право, ничего.
Я чаю,
Это отъ того,
Когда я иногда на привязи бываю.
«На привязи? тутъ волкъ вскричалъ,
Такъ ты не все живешь на волѣ?»
—Не все, да полно, что въ томъ нужды?—песъ
сказалъ.
«А нужды столько въ томъ, что не хочу я болѣ
Ни за что всѣхъ пировъ твоихъ:
Нѣтъ, воля мнѣ дороже ихъ;
А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги!»
Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

И. И. Хемницеръ.

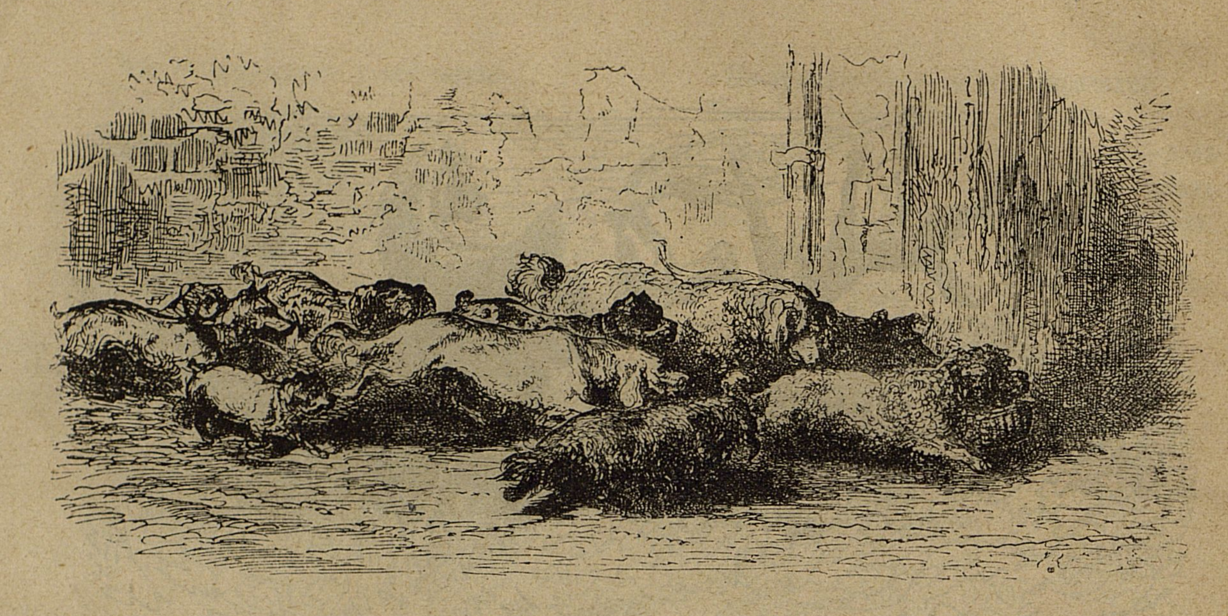

ЛОШАДЬ и ВОЛКЪ.

Весною раннею, когда
Сбѣжала вешняя вода
И поле травкой опушилось,
У Волка стараго явилось
Желанье завтракъ пріобрѣсть
(Вѣдь въ мірѣ каждый долженъ ѣсть)
И, выйдя въ поле,
Онъ тамъ, на волѣ,
Увидѣлъ чуднаго Коня.
«О! завтракъ царскій для меня!
Во мнѣ забилось ужъ сердечко,
Одно лишь жаль, что это не овечка»!
Ну, все-жъ попробую!
И вотъ
Онъ на себя роль доктора беретъ!
«Послушай, Конь! Ты ужъ навѣрно боленъ?
Я это вижу по всему!
Но я, какъ Иппократъ, спасти больного воленъ:
Болѣзни всѣ доступны моему
Уму!
Въ мои способности овечка даже вѣритъ!»
— «Ахъ, да!»—промолвилъ волку конь, —
Въ моемъ копытѣ вередъ
Меня измучилъ, какъ огонь!»
Волкъ не жалѣя цѣнной шубы,
Къ копыту подошелъ... копыто осмотрѣлъ,
А Конь тѣмъ временемъ такъ далъ ему копытомъ въ зубы,
Что «Иппократъ» на сажень отлетѣлъ.
«Отлично», молвилъ Волкъ — за дѣло волку мука!
Всему своя наука!
Того, что знаетъ дровяникъ,
Не сдѣлаетъ мясникъ.

В. В. Жуковъ.

ХОЗЯЙСКІЙ ОБѢДЪ.

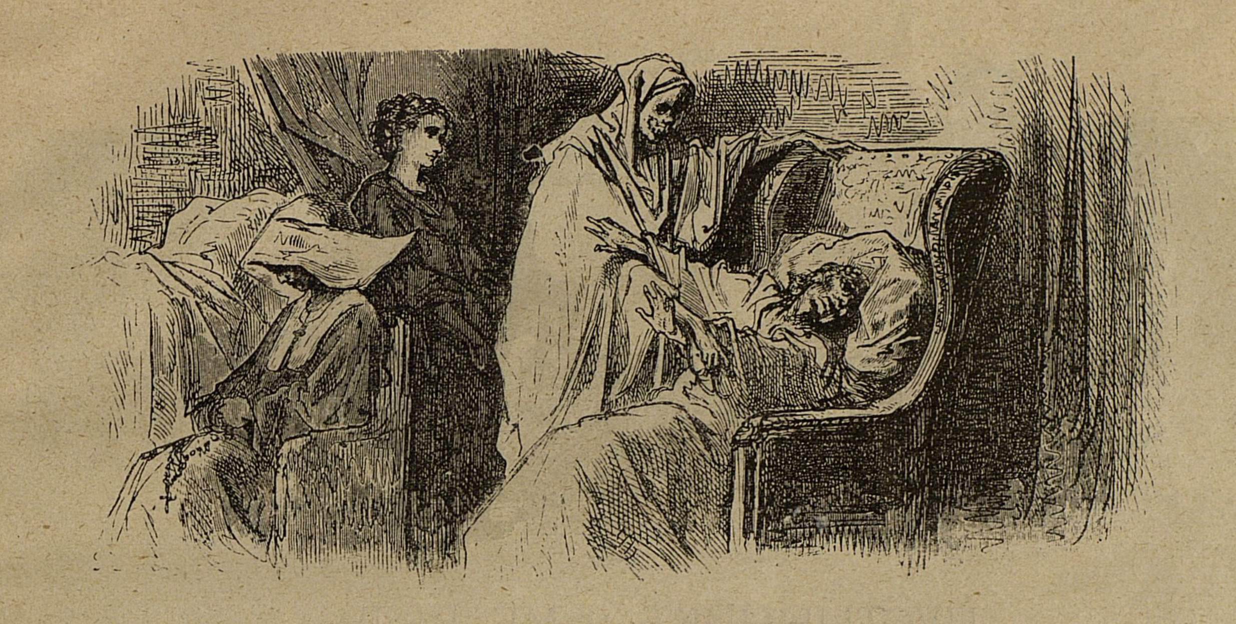
Чужимъ добромъ мы тѣшимъ взоры,
Когда нельзя его стащить:
А если ужъ по правдѣ говорить —
Мы всѣ въ душѣ отъявленные воры.

Собака своему хозяину обѣдъ
Въ урочный часъ изъ лавки приносила
И никогда куска не утаила,
Хоть былъ великъ соблазнъ. Таковъ ужъ бѣлый свѣтъ!
Всѣмъ добродѣтелямъ собаку мы научимъ,
А ближняго начнемъ учить да вразумлять —
Лишь по-пусту несчастнаго измучимъ:
Чуть плохо что лежитъ — ему не устоять.
И вотъ однажды на Собаку
Иль на обѣдъ, сказать вѣрнѣй, —
Накинулась другая. Та скорѣй
Корзину на землю (такъ легче было ей) —
И въ драку.
Но тутъ голодныхъ псовъ вдругъ столько набралось
(Гдѣ есть возможность поживиться,
Испытанный въ бояхъ бродячій песъ
Увѣчій не боится),
Что противъ всѣхъ обѣдъ хозяйскій защищать
И глупо было-бы, да, кстати, и опасно;
Какъ ни увертывайся — ясно:
Защитницѣ самой-бы сдобровать,
А ужъ хозяину обѣда не видать!
Однако,
Благоразумная Собака
Смекнула, что и ей здѣсь можетъ перепасть,
И отстоять свое рѣшилась твердо;
Тогда, оскаливъ грозно пасть
И лапой придавивъ кусокъ отборный, гордо
Промолвила она голоднымъ псамъ:
«Вотъ это мнѣ, а остальное вамъ!»
Тѣ не заставили просить себя вторично
И, ринувшись гурьбой,
На перебой
Обѣдъ убрали преотлично.

Мнѣ вспоминается общественный пирогъ:
Пока десятки глазъ его оберегаютъ,
Десятки рукъ проворно, подъ шумокъ,
Весь растаскаютъ.
Кто поискуснѣй, тотъ дастъ
Примѣръ другимъ: гляди да потѣшайся,
Какъ люди рвутъ куски и набиваютъ ротъ,
Но обличать ихъ опасайся.
Когда-жъ какой-нибудь чудакъ
У пирога вдругъ явится на стражѣ,
Съ нимъ говорить не станутъ даже,
А прямо въ сторону: не суйся, молъ, дуракъ!
Поэтому, чѣмъ зря другимъ перечить,
Не лучше-ль перваго себя же обезпечить?

В. С. Лихачевъ.

СМЕРТЬ и УМИРАЮЩІЙ.

Одинъ охотникъ жить, не старѣе ста лѣтъ,
Предъ Смертію дрожитъ и вопитъ,
Зачѣмъ она его торопитъ
Врасплохъ оставить свѣтъ,
Не давъ ему свершить, какъ водится, духовной,
Не предваря его хоть за годъ напередъ,
Что онъ умретъ.—
«Увы!» онъ говоритъ: «а я лишь въ подмосковной
«Палаты заложилъ; хотя бы ихъ докласть;
«Дай винокуренный заводъ мой мнѣ поправить,
«И правнуковъ женить! а тамъ... твоя ужъ власть!
«Готовъ, перекрестясь, я бѣлый свѣтъ оставить».
— «Неблагодарный!» Смерть отвѣтствуетъ ему:
Пускай другіе мрутъ въ весеннемъ жизни цвѣтѣ:
«Тебѣ бы одному
«Не умирать на свѣтѣ!
«Найдешь ли двухъ въ Москвѣ,—десятка даже нѣтъ
«Во всей Имперіи, дожившихъ до ста лѣтъ.
«Ты думаешь, что я должна бы приготовить
«Заранѣе тебя къ свиданію со мной:
«Тогда-бы ты успѣлъ красивый домъ построить,
«Духовную свершить, заводъ поправить свой,
«И правнуковъ женить; а развѣ мало было
«Навѣтокъ отъ меня? Не ты-ли посѣдѣлъ?
«Не ты-ли сталъ ходить, глядѣть и слышать хило?
«Потомъ пропалъ твой вкусъ, желудокъ ослабѣлъ,
«Увянулъ цвѣтъ ума, и память притупилась;
«Годъ-отъ-году хладѣла кровь,
«Въ день ясный средь цвѣтовъ душа твоя томилась
«И ты оплакивалъ и дружбу и любовь.
«Съ которыхъ лѣтъ уже отвсюду поражаетъ
«Тебя печальна вѣсть: тотъ сверстникъ умираетъ,
«Тотъ умеръ, этотъ занемогъ
«И на одрѣ мученья?
«Какого-жъ болѣе хотѣлъ ты извѣщенья?
«Короче: я уже ступила на порогъ,
«Забудь и горе и веселье;
«Исполни мой уставъ!»—
Сказала, и Старикъ, не думавъ, не гадавъ,
И не достроя домъ, попалъ на новоселье!!

Смерть права: во сто лѣтъ отсрочки поздно ждать;
Да какъ-бы въ старости страшиться умирать?
Доживъ до позднихъ дней, мнѣ кажется, изъ міра
Такъ должно выходить, какъ гость отходитъ съ пира,
Отдавъ за хлѣбъ и соль хозяину поклонъ.
Пути не миновать, къ чему-жъ послужитъ стонъ?
Ты сѣтуешь, старикъ! Взгляни на ратно поле:
Взгляни на юношей, на этотъ милый цвѣтъ,
Которые летятъ на смерть по доброй волѣ,
На смерть прекрасную, сомнѣнія въ томъ нѣтъ,
На смерть похвальную, вездѣ превозносиму,
Но часто тяжкую, притомъ неизбѣжиму!...
Да что! я для глухихъ обѣдню вздумалъ пѣть:
Полумертвый пуще всѣхъ боится умереть!

И. И. Дмитріевъ.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій,
Въ дали отъ города въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій;
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить:
Мнѣ скажутъ: «а лужекъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкóва?»
— «Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.»
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ — поклонъ.
Сосѣдъ протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки томится,
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ
И по доламъ, и по горамъ.
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
«Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу».
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ
Да тотчасъ и заснулъ;
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла —
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: «молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

И. А. Крыловъ.

ПУСТЫННИКЪ и МЕДВѢДЬ.

ВИНОГРАДНИКЪ И ОЛЕНЬ.

Однажды, въ нѣкій страшный день,
Олень,
Благодаря густому винограду,
Нашелъ себѣ спасенье и ограду:
Онъ за листвой
Его густой
Невидимъ былъ охотничьему взгляду!
Опасность минула... И вотъ
Мой скотъ
Давай, безъ всякаго смущенья,
Глодать кору и листву огражденья...
Поднялся шумъ такой,
Что всѣ охотники толпой
Назадъ вернулись и въ Оленя
Ружье взвели безъ сожалѣнья...
— И подѣломъ! —
Сказалъ безумецъ, умирая, —
Я осквернилъ, меня же спасшій домъ,
Его услугу забывая!

Не забывай
И отдавай
Тому почтенье,
Въ комъ ты нашелъ защиту и спасенье!

В. В. Жуковъ.

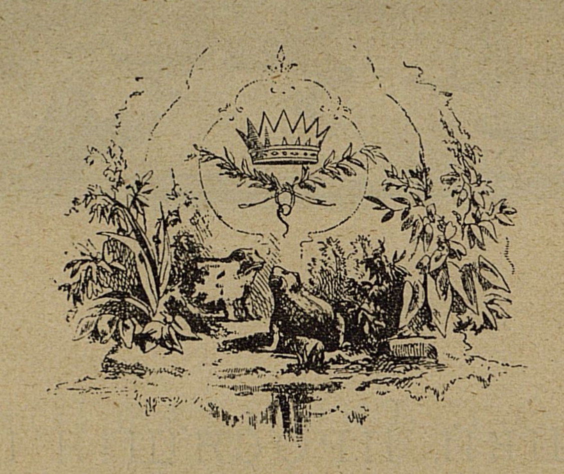

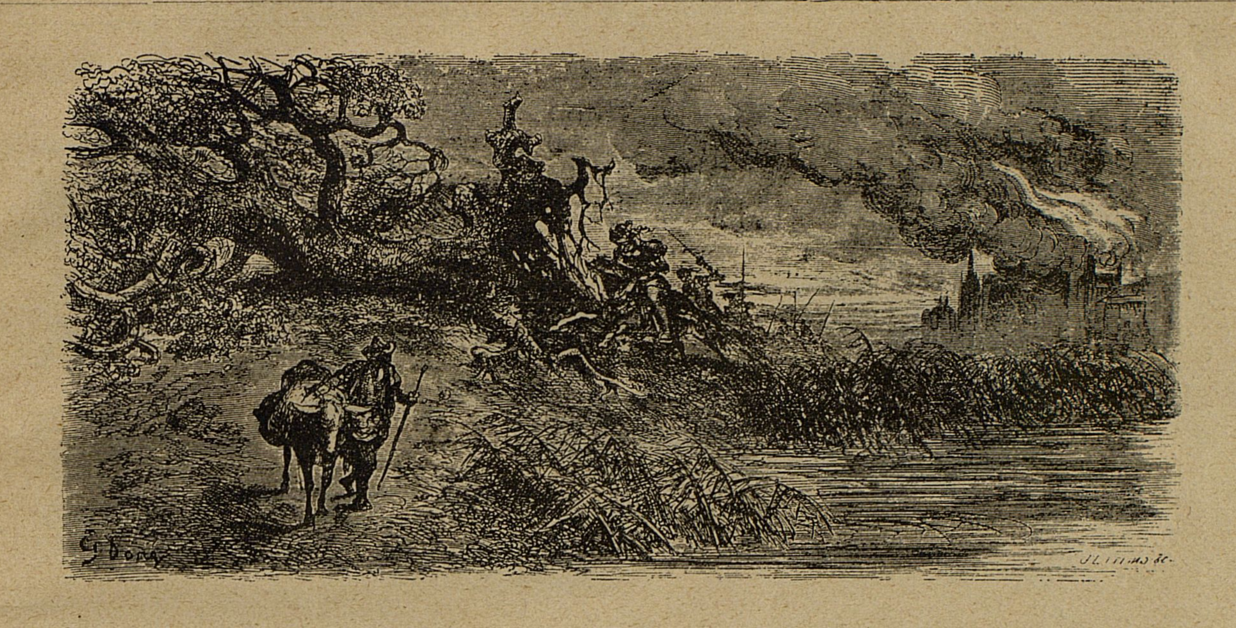
ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало неугодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ неблагородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ царя онѣ просить.
Хоть слушать всякій вздоръ богамъ-бы и не сродно,
На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ:
Далъ имъ царя. Летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство:
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Несуетливъ, невертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ;
Дородствомъ, ростомъ великанъ,
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто:
Со страхомъ на него глядятъ онѣ, и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому-бъ не пригляделся свѣтъ,
То и онѣ сперва отъ страху отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули:
Сперва передъ царемъ ничкомъ;
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.
Въ три дня наскучило съ такимъ царемъ житье.
Лягушки новое челобитьѐ,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ иного нрава:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ: а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого;
Зато ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ лягушкахъ каждый день великій недочетъ.

Съ утра до вечера ихъ царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого не встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и кваканье, и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя иного;
Что нынѣшній ихъ царь глотаетъ ихъ, какъ мухъ,
Что даже имъ нельзя (какъ не ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконецъ, ихъ царь тошнѣе имъ засухъ.
«Почто-жъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣ-ль, безумныя», вѣщалъ имъ съ неба гласъ,
«Покоя не было отъ васъ?
Не вы-ли о царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ:
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень лихъ:
Живите-жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!»

И. А. Крыловъ.

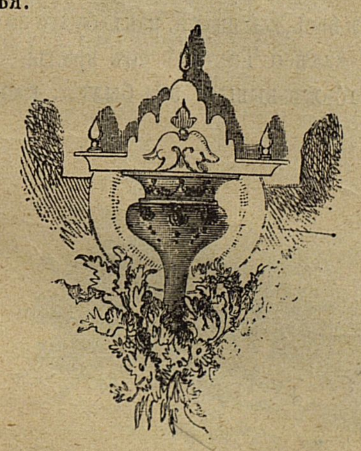

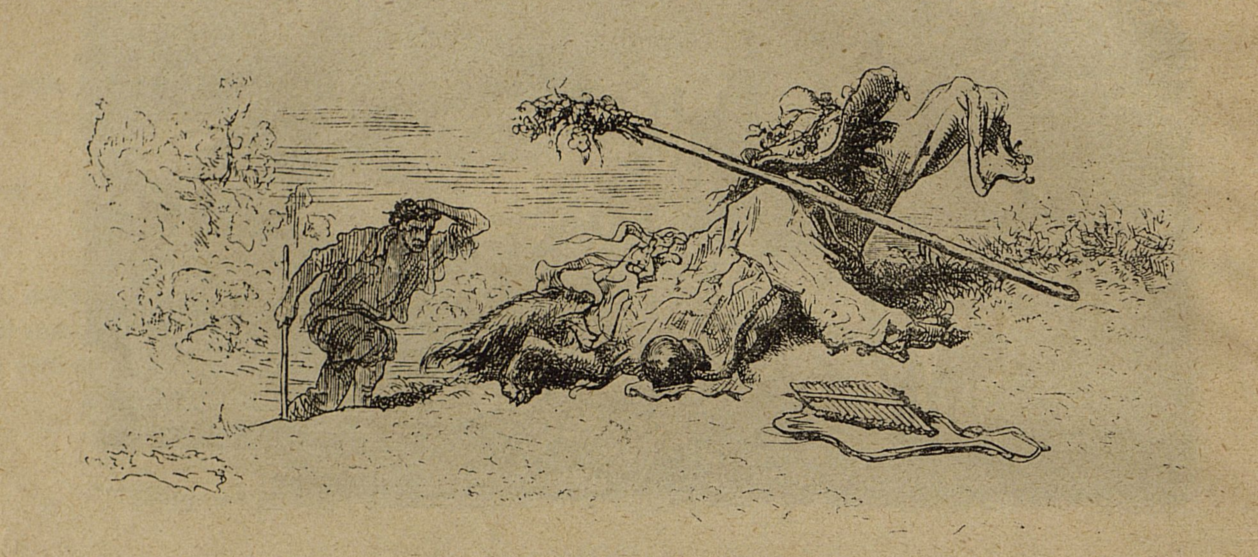

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Съ тростинкой дубъ однажды въ рѣчь
вошелъ.
«Поистинѣ, роптать ты въ правѣ на природу»,
Сказалъ онъ: воробей и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть.
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ,
горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою и твердъ, и прямъ,
Какъ будто-бъ огражденъ ненарушимымъ
миромъ:
Тебѣ все—бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя-бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой—
Отъ непогодъ-бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья».
— «Ты очень жалостливъ», сказала трость
въ отвѣтъ:
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь,
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва-ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но—подождемъ конца!»
Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ, и съ дождемъ, шумящій аквилонъ.
Дубъ держится—къ землѣ тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ, и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто къ небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

И. А. Крыловъ.

ВОЛЧЬЯ ХИТРОСТЬ.

По НУЖДѢ Волкъ постился:
Собаки стерегли и день и ночь овецъ;
Однако же и Волкъ былъ не глупецъ:
Вотъ думалъ, думалъ онъ, и ухитрился.
Да какъ же? Пастухомъ, проклятый, нарядился.
Надѣлъ пастушій балахонъ,
Накрылъ себя пастушей шляпой,
И, опершись о посохъ лапой,
Подкрался въ полдень къ стаду онъ.
Пастухъ подъ тѣнью спалъ; собаки тоже спали,
И овцы всѣ почти, закрывъ глаза лежали,
Любую выбрать могъ.
«А что? Волкъ думаетъ: когда теперь примуся
Душить овецъ, то врядъ отсюда уберуся:
Начнутъ блѣять, а я не унесу и ногъ.
Дай, лучше отгоню подалѣе все стадо.
Постой, да вѣдь сказать хоть слово дурамъ надо:
Я слышалъ, какъ пастухъ съ овцами говорилъ».
И вотъ онъ пастуха какъ-разъ передразнилъ:
Завылъ.
Поднялся вдругъ Барбосъ; за нимъ Мурза вскочилъ;
Залаяли, бѣгутъ. Мой Волкъ ужъ прочь отъ стада,
Но въ аммуниціи плохая ретирада:
Запутался онъ въ платьѣ и упалъ.
Барбоска вмигъ его нагналъ,
Зубами острыми за шею ухватился,
Мурза тутъ подоспѣлъ, за горло уцѣпился;
Пастухъ же балахонъ и шкуру съ Волка снялъ.

О святкахъ былъ я въ маскарадѣ;
Гляжу, стоитъ въ кружку какой-то генералъ,
Въ крестахъ весь, вытянутъ, какъ-будто на парадѣ—
И какъ о Тактикѣ онъ вралъ!
Что́-жъ вышло? это былъ... капралъ.

А. Е. Измайловъ.

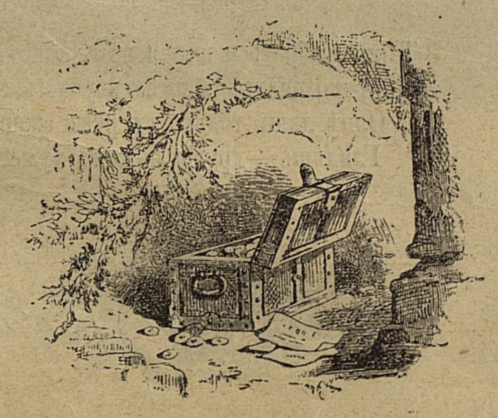

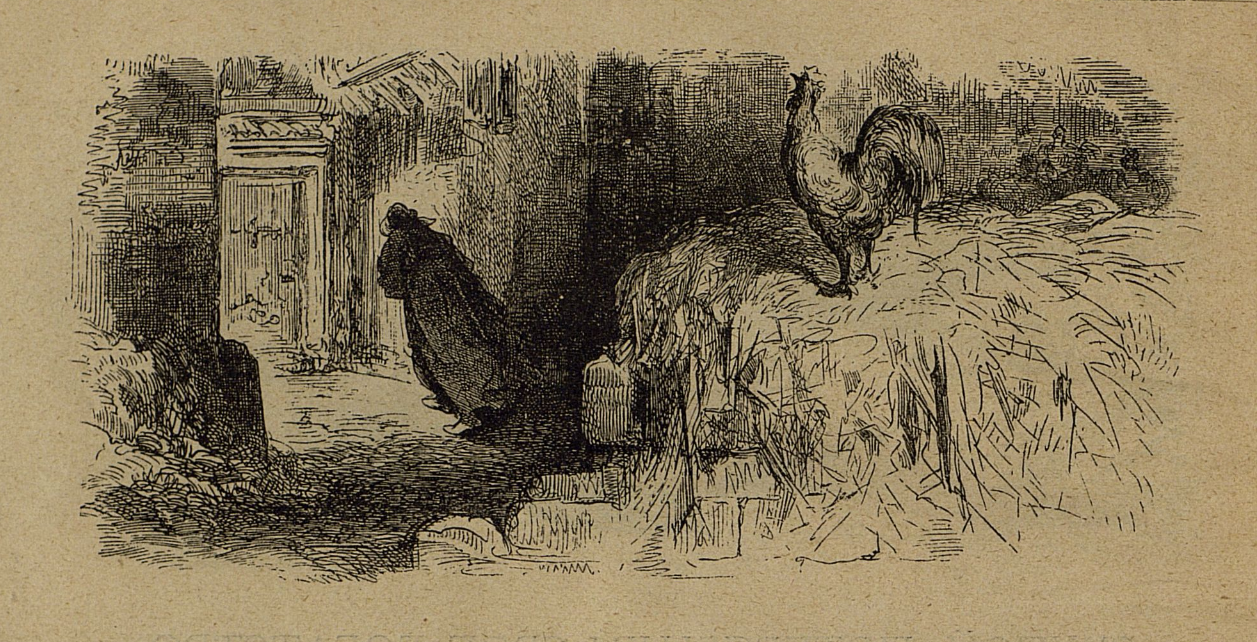
СКУПОЙ, ПОТЕРЯВШІЙ СВОЕ БОГАТСТВО.

Хотѣлъ-бы я спросить скупца,
Который страстно и сердечно
Однѣ лишь деньги копитъ вѣчно
Съ начала жизни до конца,
Ничѣмъ буквально не согрѣтый,—
Какая польза въ жизни этой?
Да никакой!.. Я зналъ скупого...
Онъ жизни ждалъ себѣ второй,
Чтобъ насладиться снова
Своей несмѣтною казной.
Но въ томъ-то, видите-ль, и дѣло,
Что,— слухъ прошелъ со всѣхъ сторонъ,—
Не онъ,
А имъ казна его владѣла!
Гулялъ-ли онъ, иль приходилъ домой,
Сидѣлъ-ли скромно за ѣдой,
Иль шелъ ко сну, людьми забытый,—
Онъ мыслью занятъ былъ одной
О мѣстѣ томъ, гдѣ деньги были скрыты.
Туда такъ часто онъ ходилъ,
Что кто то, какъ-то прослѣдилъ
И обокралъ казну скупого!..
Скупецъ, конечно, зарыдалъ,
Захныкалъ, застоналъ,
Произнести не въ силахъ слова...
«Чего ты плачешь, милый другъ?»
Его спросилъ одинъ прохожій.
—«Ахъ, у меня... Великій Боже!..
Украли съ деньгами сундукъ!..»
«Да гдѣ-жъ лежалъ сундукъ съ деньгами?»
—«Вотъ тутъ! Вотъ въ этой ямѣ!»
«И подѣломъ! Теперь, вѣдь, не война
На свѣтѣ!
Твоя казна
Могла лежать и въ кабинетѣ!»
—«Но кто-жъ украсть ее посмѣлъ,
Когда я самъ къ деньгамъ не прикасался?»
«Ну, при такомъ порядкѣ дѣлъ,
Одинъ конецъ тебѣ остался:
На яму камень навали
И отъ нея вдали
Воображай, что тамъ лежитъ твое богатство!»

И я замѣчу безъ злорадства,
Что тотъ лишь деньгами владѣлъ,
Кто ихъ расходовать умѣлъ

В. В. Жуковъ.

ГОСПОЖА и ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У БАРЫНИ, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки служанки, коихъ часть
Была съ утра и до глубокій ночи,
Рукъ не покладывая, прясть.
Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи:
Имъ будни, праздникъ — все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужъ у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть можетъ, иногда-бъ старуха опоздала,
Да въ домѣ томъ проклятый былъ пѣтухъ:
Лишь онъ вспоетъ — старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонекъ вздуваетъ,
Бредетъ, ворча, къ прядильщицамъ въ покой,
Расталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся — клюкой,
И сладкій на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются.
Назавтрее опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же:
Ихъ будятъ и морятъ на пряжѣ.
«Добро же ты, нечистый духъ!»
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
«Безъ пѣсенъ бы твоихъ мы, вѣрно, болѣ спали;
Ужъ надъ тобою быть грѣху!»
И, выбравши случай, безъ сожалѣнья
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но что-жъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья,
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
Совсѣмъ не тотъ:
То правда, что пѣтухъ ужъ болѣ не поетъ —
Злодѣя ихъ не стало;
Да барыня, боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ
И рано такъ будить ихъ стала всякій разъ,
Какъ рано пѣтухи и сроду не пѣвали.
Тутъ поздно дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ да въ полымя попали.

Такъ, выбраться желая изъ хлопотъ,
Нерѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту же.
Однѣ лишь только съ рукъ сживетъ,
Глядишь — другія нажилъ хуже.

И. А. Крыловъ.

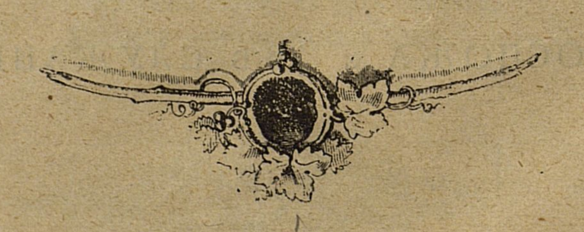
ГОСПОЖА и ДВѢ СЛУЖАНКИ.

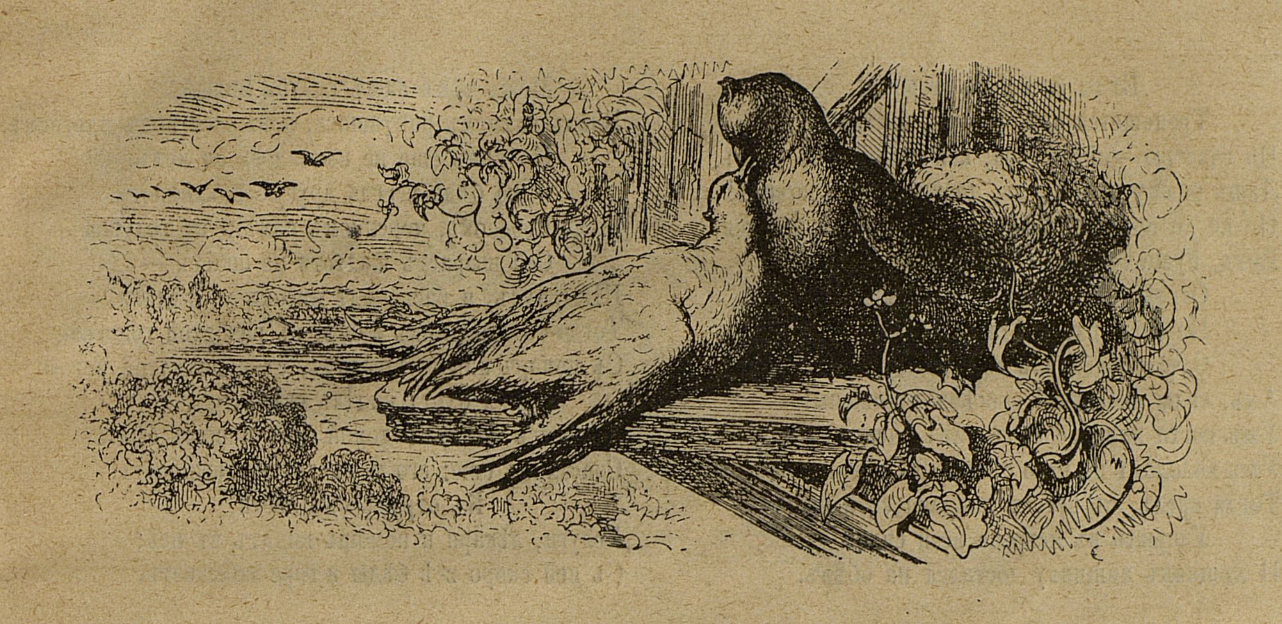

МАРТЫШКА и КОТЪ.

Каштаны жарились въ печи на уголькахъ;
Мартышка на полу передъ огнемъ сидѣла,
И пристально на нихъ глядѣла,
А Котъ лежалъ у ней въ ногахъ.
«Что, Васька, говоритъ Мартышка:
Достань каштана два, такъ будешь молодецъ!»
— Да, лапу обожги! нѣтъ, я вѣдь не глупецъ!
«Э! нѣженка какой! трусишка!
Трусъ! трусъ!» Вскочилъ мой Котъ, въ дугу себя согнулъ,
На лапки заднія у печки приподнялся,
Переднюю къ каштанамъ протянулъ,
Ожегся, и назадъ подался;
За дѣло принялся опять:
То прочь ее, а тамъ другою трогать станетъ,
И вытащилъ онъ такъ уже каштановъ пять.
Каштаны Васька вынимаетъ,
Мартышка же ихъ подбираетъ,
Облупитъ, да и прямо въ ротъ.
Вдругъ, на бѣду, слуга идетъ.
Плутовка на утекъ; а Котъ не догадался;
Работою все занимался.
Слуга на цыпочкахъ къ мошеннику подкрался,
Да за уши схватилъ, и ну его таскать.
Котъ бѣдный отъ побой, какъ мертвый, протянулся,
Насилу черезъ часъ очнулся,
И полно съ той поры безъ пользы воровать.
Мартышка вотъ умна: не обожглась, не бита,
Сыта;
А Васька глупъ, такъ съ нимъ случилася напасть,
То-ль дѣло для себя украсть!..

Е. Измайловъ.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два голубя, какъ два родные брата, жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ, вѣрно, тамъ;
И радость, и печаль—все было пополамъ.
Не видѣли они, какъ время пролетало;
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда-бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ, летѣть:
Увидѣть, осмотрѣть
Диковинки земного круга,
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.
«Куда ты?» говоритъ сквозь слезъ ему другой:
«Что пользы по свѣту таскаться?
Иль съ другомъ хочешь ты разстаться?
Безсовѣстный! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны
И все, чѣмъ странствія опасны!
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужъ я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ, и малъ;
Да, чу! и воронъ прокричалъ:
Вѣдь это, вѣрно, къ худу.
Останься дома, милый мой!
Ну, намъ вѣдь весело съ тобой!
Куда-жъ еще тебѣ летѣть, не разумѣю;
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ;
Все стану надъ тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь надъ головой.
Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ-ли, сытъ онъ, укрытъ-ли отъ ненастья?»
Растрогала рѣчь эта голубка;
Жаль братца, да летѣть охота велика:
Она и разсуждать, и чувствовать мѣшаетъ.
«Не плачь, мой милый», такъ онъ друга утѣшаетъ:
«Я на три дня съ тобой, не больше, разлучусь.
Все наскоро въ пути замѣчу на полетѣ,
И, осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждый часъ и каждое мѣстечко;
Все разскажу: дѣла-ль, обычай-ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво.
Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будто-бъ самъ леталъ ты по свѣту со мной».
Тутъ—дѣлать нечего—друзья поцѣловались,
Простились и разстались.
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ въ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? Къ счастью, дубъ сухой въ глаза попался;
Кой-какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ голубокъ;
Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись: весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ помалу громъ. Чуть солнце просіяло,
Желанье позывать бѣдняжку далѣ стало.
Встряхнулся и летитъ—летитъ и видитъ онъ:
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился—въ сѣти тутъ попалась наша птичка!

Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;
По счастью—сѣть стара; кой-какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ!
Но не до нихъ: онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ, пуще той бѣды, бѣда надъ головой:
Отколь ни взялся ястребъ злой;
Не взвидѣлъ свѣта голубь мой!
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ, силы вкороткѣ! совсѣмъ истощены!
Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены;
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ.
Тогда орелъ, съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой—
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ тѣмъ нашъ голубь милый,
Внизъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ, черепкомъ намѣтя въ голубка—
Сей возрастъ жалости не знаетъ—
Швырнулъ, и раскроилъ високъ у бѣдняка.
Тогда-то странникъ нашъ, съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.
Счастливъ еще: его тамъ дружба ожидаетъ!
Къ отрадѣ онъ своей,
Услуги, лѣкаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы, которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите!
Вы эту басенку прочтите,
И въ дальній путь такой пускайтеся невдругъ.
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше:
Но, вѣрьте, той земли не сыщете вы краше,
Гдѣ ваша милая, иль глѣ живетъ вашъ другъ.

И. А. Крыловъ.

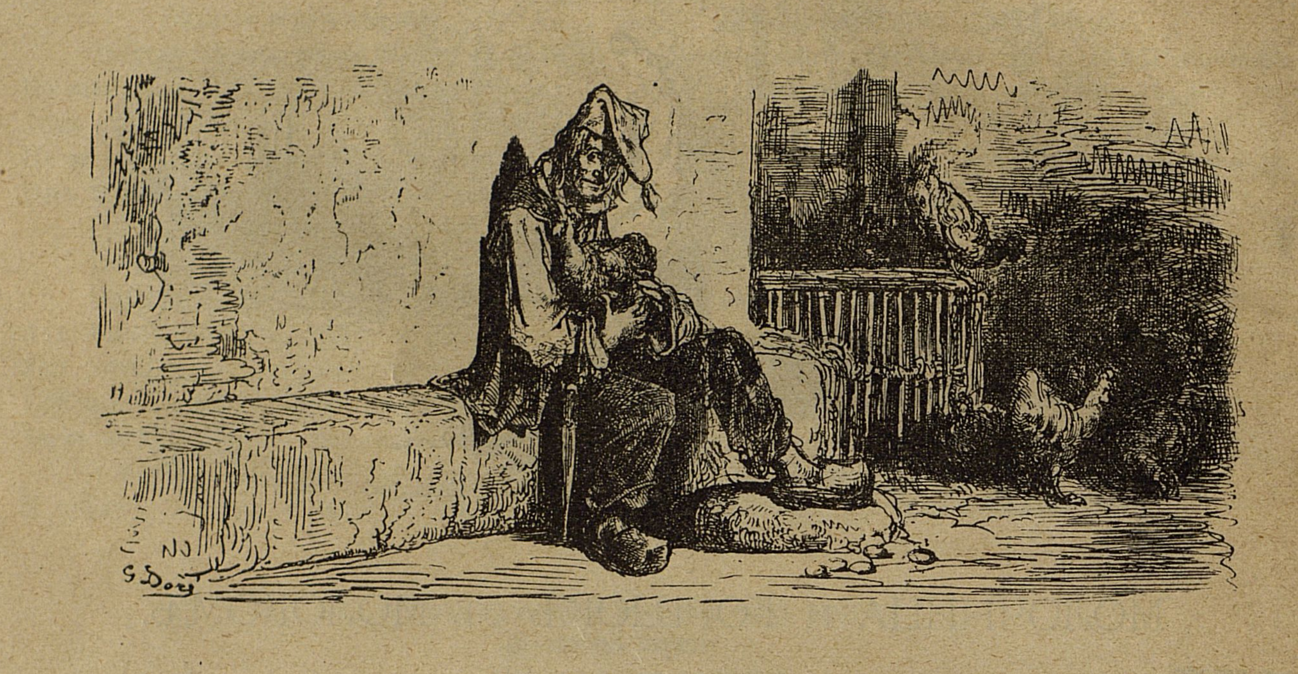
МОЛОЧНИЦА и ГОРШОКЪ съ МОЛОКОМЪ.

Издалека
Съ кувшиномъ молока
Шла въ городъ дѣвушка Пьеретта.
Она была одѣта
Въ простое платьице коричневаго цвѣта
И торопилась поскорѣй
Съ безцѣнной ношею своей
Поспѣть на рынокъ до разсвѣта.
Но путь далекъ... вокругъ кусты,
Какъ тѣни вѣщія толпились,
И вотъ—наивныя мечты
Въ ея головкѣ зароились,—
Она мечтательна была
И грезой тайною могла
Пополнить жизни недостатокъ:
—«Я молоко продамъ за двадцать су,
«Куплю яицъ одинъ-другой десятокъ,
«Домой ихъ бережно снесу
«И посажу на нихъ куриныхъ пару матокъ;
«Онѣ мнѣ высидятъ цыплятъ;
«За ними приглядятъ
«И братецъ и сестрица:
«О, я увѣрена—лисица
«На всѣхъ, конечно, не польстится,—
«Останется штукъ пять,
«Чтобъ можно было обмѣнять
«Ихъ на большого поросенка!
«Я-жь знаю дѣло очень тонко:
«Его я живо откормлю,
«Продамъ повыгоднѣй и тотчасъ-же куплю
«Корову—прочимъ всѣмъ къ досадѣ...
«А тамъ промчатся дни... Фортуна мнѣ не врагъ...
«Теленокъ явится... и скоро въ нашемъ стадѣ
«Онъ вдругъ запрыгаетъ—вотъ такъ!»...
Пьеретта увлеклась... Пьеретта позабылась...
И крынка съ молокомъ... увы!..
Съ ея упала головы
И съ грохотомъ разбилась.

Наединѣ
Вполнѣ
Возможно въ грезахъ позабыться!
Ты царь!.. ты властелинъ!..
Ты всѣми властвуешь одинъ...
Но лишь дѣйствительность въ окошко постучится,
И все, развѣявшись, умчится!

В. В. Жуковъ.

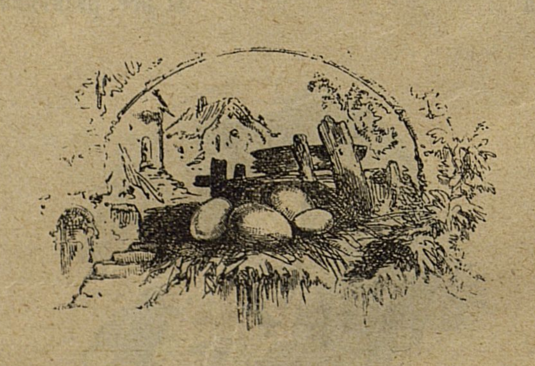

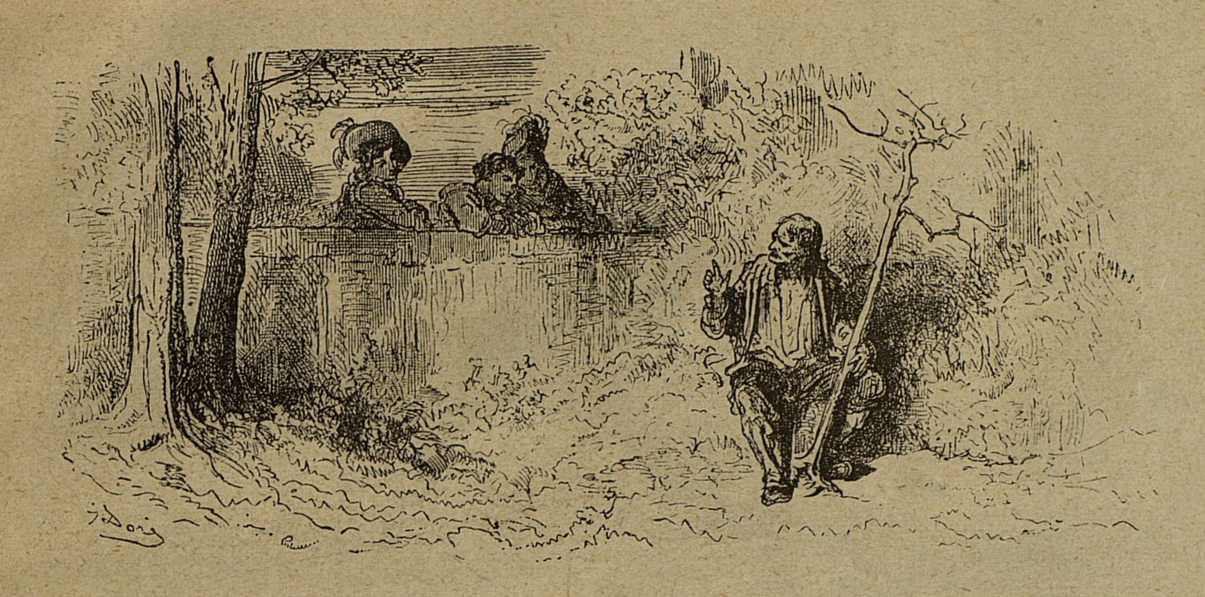
СКУПОЙ и КУРИЦА.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хоть есть и много ихъ, я въ томъ увѣренъ;
Да рыться лѣнь, такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

Вотъ что̀ въ ребячествѣ читалъ я про скупого:
Былъ человѣкъ, который никакого
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ курицу имѣлъ (какъ это не завидно!),
Которая яйца несла,
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что понемногу онъ становится богатъ;
Но этого скупому мало:
Ему на мысли впало
Что, взрѣзавъ курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
Итакъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. И что же? Въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нея простые потроха.

И. А. Крыловъ.

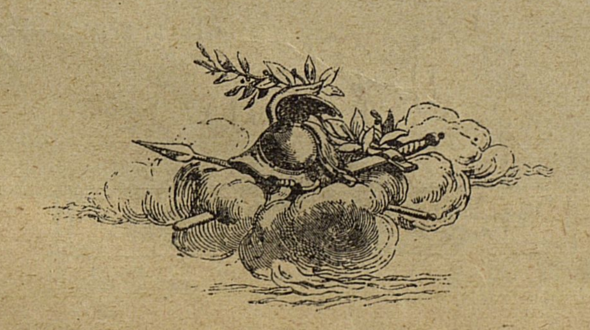

СТАРИКЪ И ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Старикъ садить сбирался деревцо.
«Ужъ пусть-бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!»
Такъ, старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ-ли затѣвать столь дальніе разсчеты?
Едва-ли для тебя текущій вѣренъ часъ.
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью, и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой».
— «Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
«Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь,
Кто добръ, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится:
И это для меня ужъ плодъ.
Да можно-ль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ-ли на молодость, на силу
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей, прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ».
Какъ имъ сказалъ старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца — все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу и за страсти,
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркій день холоднаго испилъ
И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залѣчили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

И. А. Крыловъ.

ЗАЯЦЪ и ЛЯГУШКИ.

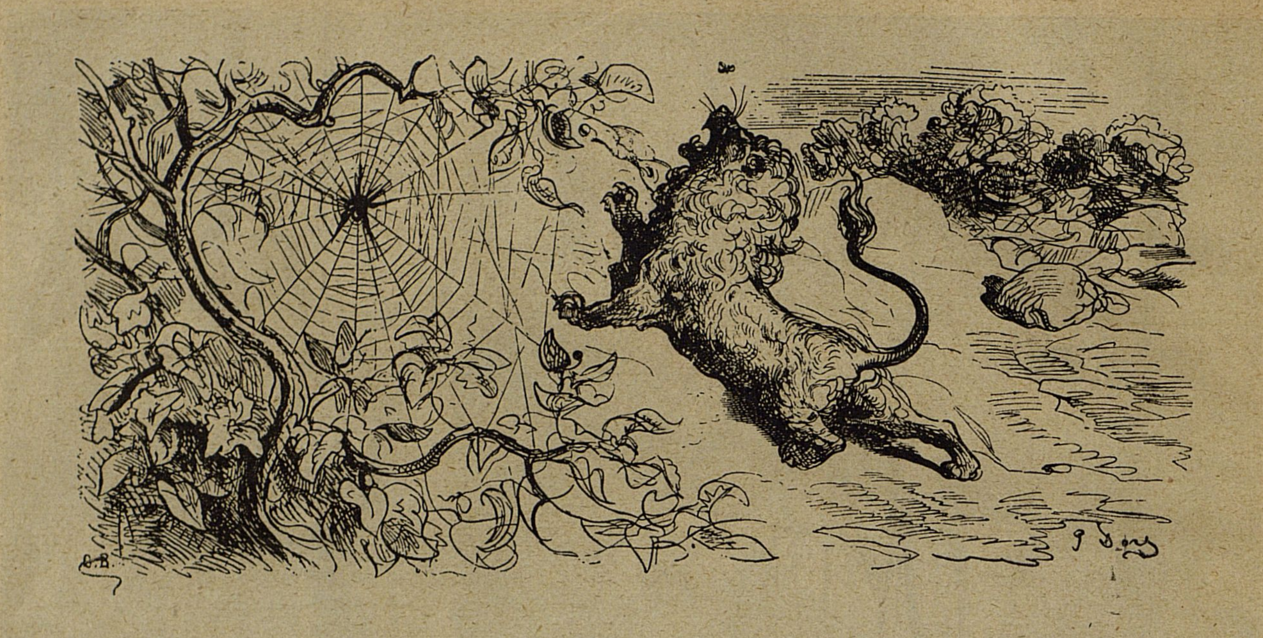
Разъ заяцъ размышлялъ въ укромномъ уголкѣ
(Въ укромныхъ уголкахъ нѣтъ лучше развлеченья);
Томился зайчикъ нашъ въ тоскѣ:
Печальны и робки всѣ зайцы отъ рожденья.
«Ахъ,—думалъ онъ,—кто такъ пугливъ, какъ я,
«Тому на свѣтѣ нѣтъ житья!
«Спокойно не проглотишь и кусочка,
«Ничто не радуетъ, бѣды отвсюду ждешь,
«Трясешься день, безъ сна проходитъ ночка, —
«И такъ весь вѣкъ живешь...
— «Зачѣмъ-же», — скажутъ — «ты такъ мечешься тревожно?»
«Да развѣ страхъ осилить можно?
«Кто что ни говори, а я увѣренъ въ томъ,
«Что даже людямъ онъ знакомъ».
Такъ заяцъ размышлялъ,—но размышлялъ съ оглядкой.
Опасность чуялъ онъ со всѣхъ сторонъ;
Чуть листикъ шелохнетъ, чуть тѣнь мелькнетъ, — и онъ
Ужь трясся лихорадкой...
Вдругъ нашъ звѣрекъ,
Среди своихъ печальныхъ размышленій,
Услышалъ легкій шумъ... Безъ долгихъ разсужденій,
Что было мочи, онъ пустился на утекъ.
Не чуя ногъ, бѣжитъ — и добѣжалъ до пруда.
Что-жь видитъ онъ? О, чудо!..
Лягушки отъ него къ водѣ скорѣй бѣгутъ,
Лягушекъ дрожь беретъ, лягушки скачутъ въ прудъ.
— «О-го!—промолвилъ онъ,—какъ пригляжуся,—
«Такъ въ этой сторонѣ
«Такимъ же, какъ другіе мнѣ,
«И самъ я кой-кому кажуся.
«Должно быть, я не такъ ужь плохъ,
«Коль могъ произвести такой переполохъ.
«Какъ! я одинъ съумѣлъ повергнуть ихъ въ смятенье!
«Имъ чудится во мнѣ
«Призывъ къ войнѣ!
«Да, для меня теперь ужь нѣтъ сомнѣнья:
— «Какъ ты ни будь труслилвъ, найдется, наконецъ,
«Тотъ, передъ кѣмъ и ты окажешься храбрецъ».

Н. Юрьинъ.

ЗАЯЦЪ и ЛЯГУШКИ.

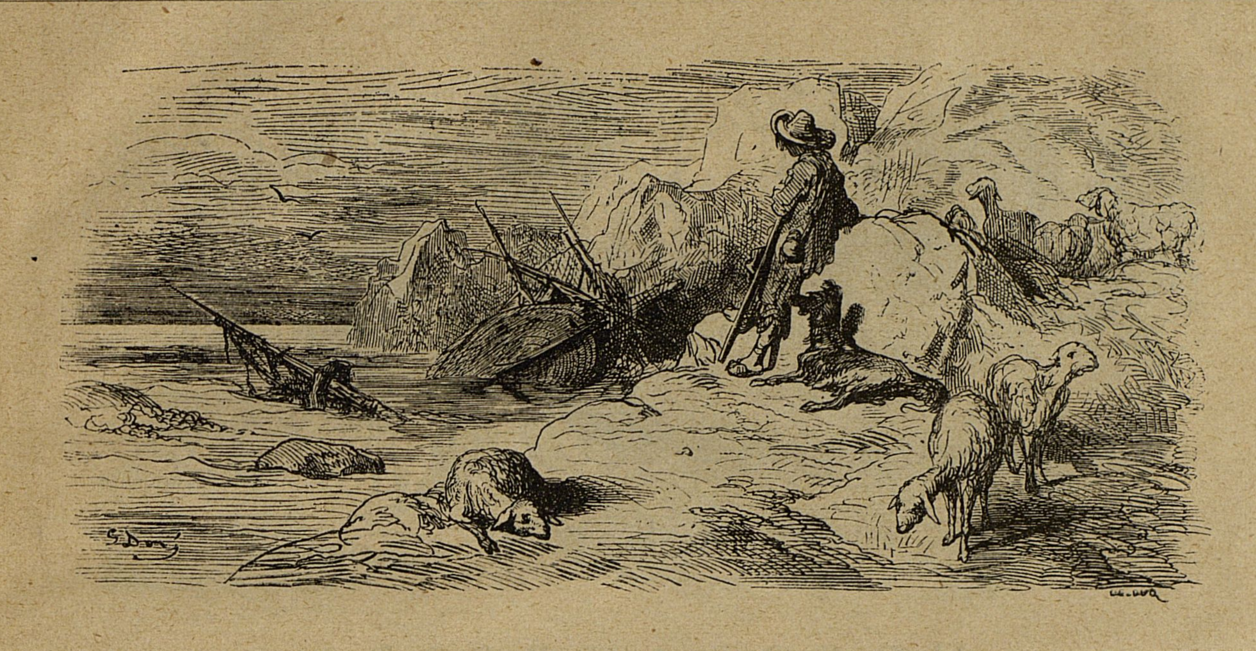

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся,
И слабаго обидѣть не моги!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно левъ за спесь наказанъ комаромъ.
Вотъ что о томъ я слышалъ стороною:
Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ;
Зло взяло Комара: обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань,
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ:
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ трубитъ!
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва спустился,
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ вздрогнулъ, и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ-же и не труситъ!
Льву сѣлъ на самый лобъ, и львину кровь сосетъ.
Левъ голову крутитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ:
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укуситъ.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ,
Скрежещетъ въ ярости зубами,
И землю онъ деретъ когтями.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ,
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; все кроется, бѣжитъ;
Отколь у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будто-бы пришелъ потопъ или пожаръ!
И кто-жъ? Комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги!
Рвался, метался Левъ, и выбившись изъ силъ,
О землю грянулся, и миру запросилъ.
Насытилъ злость Комаръ; Льва жалуетъ онъ миромъ:
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

И. А. Крыловъ.

ПАСТУХЪ и МОРЕ.

Пастухъ въ нептуновомъ сосѣдствѣ близко жилъ:
На взморьѣ, хижины уютной обитатель,
Онъ стада малаго былъ мирный обладатель
И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, зато не зналъ и горя,
И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ быть, онъ многихъ былъ царей;
Но видя всякій разъ, какъ съ моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
И ломятся отъ нихъ амбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пастухъ на то прельстился:
Распродалъ стадо, домъ—товаровъ накупилъ,
Сѣлъ на корабль и за море пустился.
Однакоже, походъ его недологъ былъ;
Обманчивость, морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ изъ глазъ,
Какъ буря поднялась;
Корабль разбитъ, пошли товары ко дну,
И онъ насилу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря морямъ,
Пошелъ онъ въ пастухи, лишь съ разницею тою,
Что прежде пасъ овецъ своихъ,
Теперь пасетъ овецъ чужихъ
Изъ платы. Съ нуждою, однакожъ, хоть большою,
Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ?
Не спивъ того, не съѣвъ другого,
Скопилъ деньжонокъ онъ, завелся стадомъ снова
И сталъ опять своихъ овечекъ пастухомъ.
Вотъ, нѣкогда, на берегу морскомъ,
При стадѣ онъ своемъ
Въ день ясный сидя
И видя,
Что на морѣ едва колышется вода
(Такъ море присмирѣло),
И плавно къ пристани бѣгутъ по ней суда.
«Мой другъ!» сказалъ: опять ты денегъ захотѣло,
Но ежели монхъ—пустое дѣло!
Ищи кого иного ты провесть,
Отъ насъ тебѣ была ужъ честь.
Посмотримъ, какъ другихъ заманишь,
А отъ меня впередъ копѣйки не достанешь».

Басню эту лишнимъ я почелъ бы толковать;
Но какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться!
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нея
На одного, кто не былъ ей обманутъ;
А мнѣ, что говорить ни станутъ,
Я буду все твердить свое;
Что впереди—Богъ вѣсть; а что мое—мое!

И. А. Крыловъ.

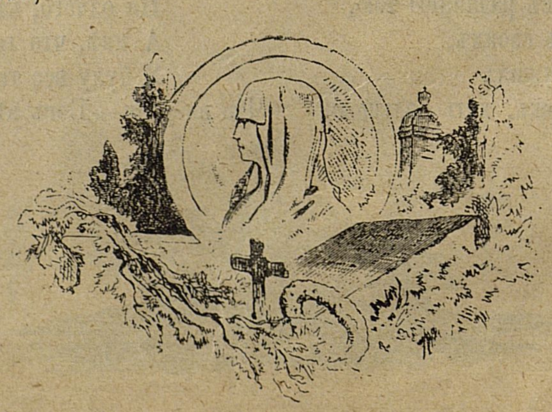

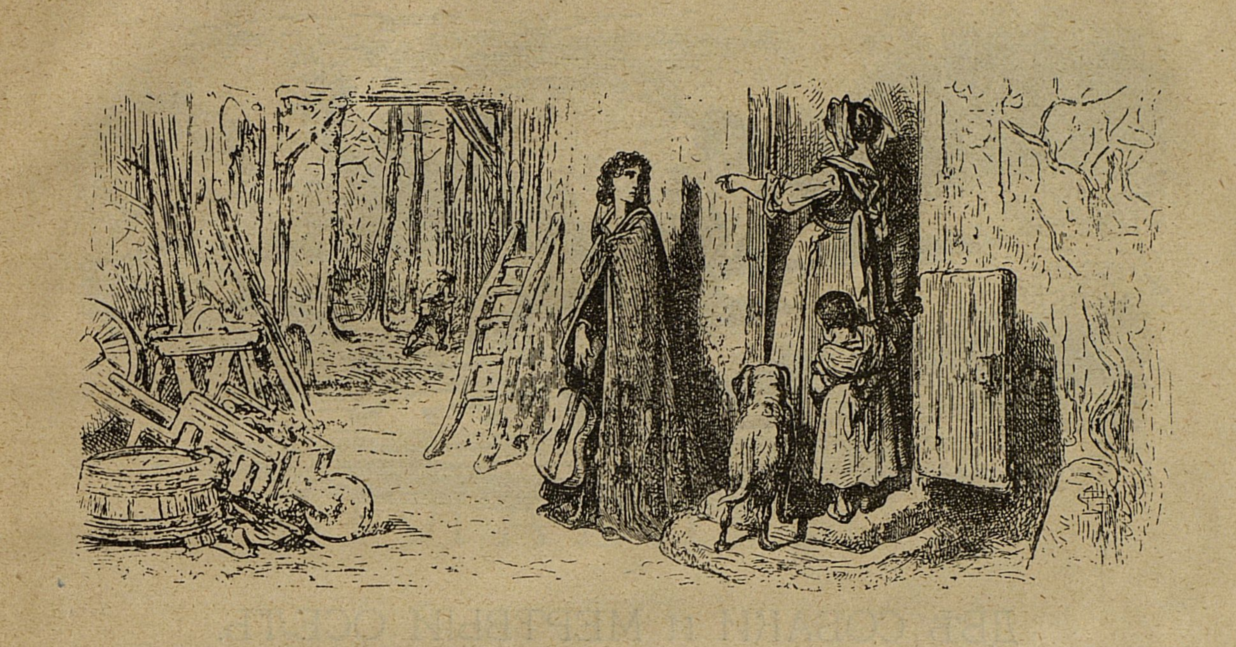

МОЛОДАЯ ВДОВА.

По мертвомъ какъ ни плачь, а онъ уже не встанетъ,
И всякая вдова
Поплачетъ мѣсяцъ — много два,
А тамъ и плакать перестанетъ:
Жаль мужа, и себя вѣдь жаль!
На крыльяхъ времени летитъ отъ насъ печаль,
И нечувствительно спокойствіе приходитъ.
Большое Лафонтенъ различіе находитъ
Во всѣхъ вдовахъ чрезъ день и черезъ годъ.
И подлинно: теперь вдова горюетъ, плачетъ,
А черезъ годъ, смотри, мазурку пляшетъ, скачетъ.
Таковъ ужъ видно женскій родъ!
Одна красавица лишь только овдовѣла,
Кричала, билася, рыдала и рвалась;
Ни пить, ни ѣсть, ни жить на свѣтѣ не хотѣла:
Рѣка горчайшихъ слезъ изъ глазъ ея лилась.
Отецъ печалиться далъ полную ей волю;
Но, видя, что уже проходитъ шесть недѣль
И что она слегла въ постель,
Свою оплакивая долю,
Сказалъ ей: «Полно плакать, дочь!
Слезами вѣдь нельзя помочь.
Не ты одна вдова на свѣтѣ;
Еще ты очень молода.
Мужъ умеръ — экая бѣда!
Есть у меня женихъ прекрасный на примѣтѣ,
Ужъ не покойному чета!
Красавецъ, молодецъ, почти въ твои лѣта...»
— Ахъ, батюшка! вдова прервала:
Мнѣ замужъ! Мнѣ другой вѣнецъ?
Нѣтъ, нѣтъ, я въ монастырь пойду — и зарыдала.
Смолчалъ и прочь пошелъ отецъ.
Источникъ слезъ помалу изсыхаетъ.
Проходитъ мѣсяцъ и другой,
Вдова ужъ менѣе вздыхаетъ;
Почти забытъ мужъ дорогой:
И слезка на глазахъ ея не навернется;
Невольно иногда и улыбнется,
Увидя въ зеркалѣ, что трауръ ей къ лицу.
Прошло ужъ полгода, глядитъ въ глаза отцу;
Но тотъ не говоритъ ни слова.
Рѣшилась, наконецъ, она спросить его.
— Что жъ, батюшка, увижу я... — «Кого?»
— Кого хвалили вы. — «Кого же?» — Молодого...
Ну сами знаете... ха! ха!..
Красавца-жениха?

А. Е. Измайловъ.

СТРЕКОЗА и МУРАВЕЙ.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле,
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ, и домъ.
Все прошло: съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужъ не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный!
Злой тоской удручена,
Къ Муравью ползетъ она:
«Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И, до вешнихъ только дней,
Прокорми и обогрѣй!»
— «Кумушка, мнѣ странно это:
Да работала-ль ты въ лѣто?»
Говоритъ ей Муравей.
— «До того ль, голубчикъ, было!
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило».
— «А, такъ ты...» — «Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла».
— «Ты все пѣла? это дѣло:
Такъ поди же попляши!»

А. И. Крыловъ.

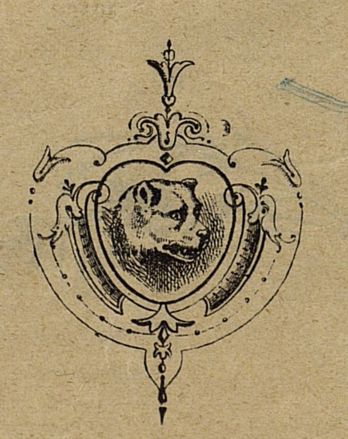

ДВѢ СОБАКИ и МЕРТВЫЙ ОСЕЛЪ.

Два пса, гуляя мирно, чинно,
Однажды видятъ на рѣкѣ,
Что вдалекѣ
Плыветъ куда-то трупъ ослиный;
Раздутый вѣтромъ грозный валъ
Его все дальше отгонялъ.
Тутъ первый песъ промолвилъ другу:
— Ты къ дальнозоркости привыкъ,
Такъ посмотри—туда, по рѣчкѣ, къ югу, —
Что это? Лошадь или быкъ?
— Скажи, а намъ какое дѣло,
Чье это тѣло?—
Товарищъ говоритъ, —
Ты позабылъ нашъ нравъ собачій!
Подумай лучше о задачѣ,
Какъ намъ себѣ его добыть?
За трупомъ плыть?
Далечко!...
Такъ вотъ-что сдѣлаемъ, мой другъ:
Возьмемъ-ка вылокаемъ рѣчку
Въ единый духъ!
Ослиный трупъ останется на мѣстѣ,
А мы по чести
Его раздѣлимъ межъ собой...
Такой
Совѣтъ понравился обоимъ.
И вотъ они, съ голоднымъ воемъ,
Отъ благомыслья далеки,
Давай лакать водицу изъ рѣки.
И до тѣхъ поръ они лакали,
Пока на берегу безъ жизни не упали...

Бываетъ такъ, что человѣкъ
Весь вѣкъ
Стремится къ цѣли,
Забывши обо всемъ,
А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ,
Стремится къ ней не тѣмъ путемъ!

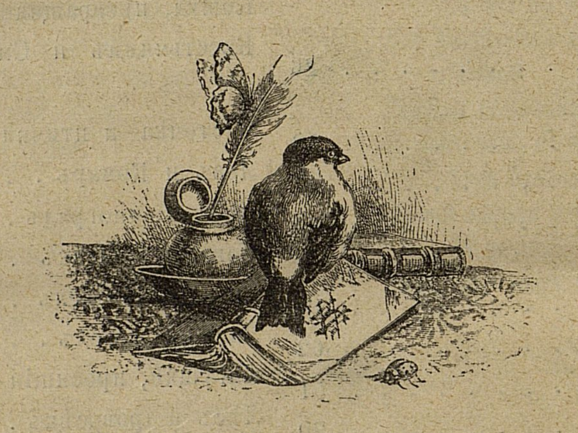
В. В. Жуковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ТЕКСТЪ.

II. РИСУНКИ.

Открыта подписка на **1896** г. на популярно-научный журналъ

Издается съ 1889 г.

Изданія годъ VII-й.

Подписной годъ начинается съ 1-го ноября.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ** ЖУРНАЛЪ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ и ПУТЕШЕСТВІЙ

5 РУБ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи. Заграницу восемь руб. съ пересылкою.

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА"

4 РУБ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки въ С.-Петерб. Допуск. разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и къ 1-му мая остальныя.

Годовые подписчики въ теченіи 1896 года получатъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№. Каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 лист. большого формата (16 стр. плотной печати), заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не исключая мелкихъ, и 8—12 художеств. рисунковъ.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ помѣщены: **„ЗА ГРАНЬЮ ЛЬДОВЪ"**. Большой историческій романъ, въ трехъ частяхъ *Н. Н. Соколова*. **„МАХАТМА"**. Разсказъ теософа. **„НА САХАЛИНѢ И ПО АЛТАЮ"**. Проф. *А. М. Никольскаго*. **„АРМЕНІЯ И МАКЕДОНІЯ"**. Историко-географическіе очерки *Ф. Волгина* (съ роскошными гравюрами). **„КАРТИНЫ ВОЛЖСКОЙ ПРИРОДЫ"**. *Гр. Ф—та*. **„РУССКІЕ НА ШПИЦБЕРГЕНѢ"**. Историческій разсказъ *А. Поморцева*. **„ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ БЕНГАЛІИ"**. Живописные очерки и картины изъ индійской природы и жизни. *В. Джонстонъ-Желиховской*. **„ВЪ НЕБЕСАХЪ"**. Романъ *Джона Астора*. **„ИСТОРІЯ РУССКАГО СУДОХОДСТВА, НАЧИНАЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ"**. Очеркъ *М. Николаева*. **„СТОЛИЦЫ МІРА"**. Рядъ очерковъ *П. Лоти* и др. **„ДРЕВНІЕ И НОВѢЙШІЕ ПРЕДСКАЗАТЕЛИ И КОЛДУНЫ"**. *Ф. Унжина*. **„ИСТОРІЯ ЗВОНКОЙ МОНЕТЫ"**. Очеркъ *А. Р—на*. **„ВѢРИТЬ ИЛИ НЕ ВѢРИТЬ"**. Очерки *В. Битнера*. **„СѢВЕРНЫЙ ПУТЬ"**. Исторія открытія сѣвернаго морского прохода изъ Европы въ Азію. *Гр. Потоцкаго*. **„КАКЪ УЗНАТЬ ХАРАКТЕРЪ ЧЕЛОВѢКА"**. Этюды *Гр. Ф—та*. **„ЦЕЙЛОНЪ"** (Изъ путешествій д-ра † *А. В. Елисѣева*). **„ПО РОДНЫМЪ КРАЯМЪ"**. Этнографическіе очерки и картины сѣверной русской природы. Проф. *Н. Ю. Зографа*. **ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ** *М. И. Пыляева*. **„КАКЪ МЫ ДЫШЕМЪ?"** *Луи Фигье*. **„ПРЯНОСТИ"**. Культурно-ботаническіе очерки *П. Вольногорскаго*. **„ОТКУДА ПРОИСХОДЯТЪ МЫСЛИ?"** *Л. Фигье*. **„БРАКЪ И НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ"**. Очерки *А. Иванова*. **„СВѢТЯЩІЯСЯ РАСТЕНІЯ"**.—**„САМОЗАЩИТА РАСТЕНІЙ"**.—**„ХЛОРОФИЛЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ ЖИЗНИ"**. Очерки *А. Карицкаго*. **„ТАЙНЫ ЦВѢТОВЪ"**. Очерки *П. Вольногорскаго*. **„СОБАКИ КОНТРАБАНДИСТЫ"**. Очерки *Н. Бѣлаго*. **„ПРЕДКИ СОВРЕМЕННЫХЪ КИТОВЪ"**.—**„ПАРАЗИТИЗМЪ"**.—**„СНѢЖНЫЙ ПОКРОВЪ ВЪ ПРИРОДѢ"**. Очерки *А. Карицкаго*. **„МЕТАМОРФОЗЫ ЗЕМЛИ"**. *Камилла Фламмаріона*. **„СОКРОВИЩА НАУКИ"**. (Экскурсіи по русскимъ музеямъ). **„ЧЕРТОВЫ ПАЛЬЦЫ"**.—**„ТРИЛОБИТЫ"**. Очерки *А. Карицкаго*. **„ТРЮФЕЛИ И ИХЪ РАЗВЕДЕНІЕ"**. *Ѳ. Медвѣдева*.

Въ книгахъ „ПОЛЕЗНОЙ БИБЛІОТЕКИ" будутъ напечатаны слѣдующія сочиненія:

1. «Амуръ». По источникамъ обработалъ *Ф. Волгинъ* (съ художественными иллюстраціями).
2 и 3. «Вокругъ свѣта на велосипедѣ». *Т. Стивенса*. Перев. съ англійскаго.
4. «Гигіена популярная». По Эрисману, Доброславину и друг., составилъ *Ѳ. Сергѣевъ*.
5 и 6. «Жизнь въ морѣ». Проф. *К. Келлера*. Перев. съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. *А. М. Никольскаго* (съ 200 роскошныхъ иллюстрацій).
7 и 8. «Исторія чудеснаго въ новѣйшее время». *Л. Фигье*. Перев. съ франц. *М. Гогунцова*.
9. «Джонъ Буль и его колоніи». *Максъ о'Релля*. (Путевые очерки и наброски).
10. «Міры дѣйствительные и воображаемые». *Камилла Фламмаріона*.
11. «Пѣвчія птицы». *И. Святскаго* (со многими рис.).
12. «Южный полюсъ». *Де-Фонвіелля*. Перев. съ франц. (со многими художеств. иллюстраціями).

Томы «ПОЛЕЗНОЙ БИБЛІОТЕКИ» расположены здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ и будутъ выходить ежемѣсячно, по мѣрѣ печатанія ихъ.

За 1889—1890 гг. журналъ весь разошелся; 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. осталось небольшое количество. Цѣна со всѣми приложеніями за каждый годъ **четыре** рубля; въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ **пять** рублей. Пересылка за 9 фунт. (въ переплетѣ 10 фунт.) по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ главную контору журнала **„ПРИРОДА и ЛЮДИ"**: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Издатель *П. Сойкинъ*. Редакторъ *С. Груздевъ*.

Въ годъ 52 №№ журнала «ПРИРОДА и ЛЮДИ» и 12 книгъ «ПОЛЕЗНОЙ БИБЛІОТЕКИ».

Открыта подписка на 1896 годъ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

XI-й ГОДЪ. | XI-й ГОДЪ.

„ЗВѢЗДА“

СЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Журналъ «ЗВѢЗДА», вступая въ **одиннадцатый** годъ своего существованія, съ 1-го ноября 1895 года издается при **новомъ составѣ редакціи**, которая приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы удовлетворять наиболѣе высокія умственныя и эстетическія требованія читателей. Съ этою цѣлью редакція считаетъ необходимымъ внести самыя разнообразныя улучшенія и видоизмѣненія во всѣхъ отдѣлахъ журнала «ЗВѢЗДА», причемъ ею особенное вниманіе будетъ обращено на внутреннее содержаніе журнала въ смыслѣ идейности, интереса и разнообразія художественнаго, литературнаго и научнаго матеріала, а также на своевременность сообщеній о текущихъ общественныхъ и политическихъ событіяхъ.

Въ 1896 году редакція журнала „ЗВѢЗДА“ дастъ своимъ подписчикамъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№ каждый № въ 24 страницы, СЪ РОСКОШНЫМИ **ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.**

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ **ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА.** Каждая книга не менѣе **десяти** печатныхъ листовъ.

12 №№ МОДНАГО ЖУРНАЛА Въ годъ до 500 рис., съ приложеніемъ **двѣнадцати** листовъ выкроекъ, узоровъ и роскошнаго стѣнного календаря на 1896 г.

Для осуществленія обширной и разнообразной программы еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала «ЗВѢЗДА» нами приглашены къ участію въ немъ выдающіяся литературныя, ученыя и художественныя силы, а именно:

а) Въ литературномъ отдѣлѣ: *М. Н. Альбовъ, Ю. Безродная, К. С. Баранцевичъ, Н. П. Вагнеръ* (Котъ-Мурлыка), *Г. К. Градовскій, Е. М. Гаршинъ, Н. С. Зацимовскій,* г. *Дужанъ, Н. Н. Каразинъ, А. А. Коринфскій, В. С. Кривенко, В. Н. Ладыженскій, К. Н. Льдовъ, М. В. Крестовская, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. П. Острогорскій, Н. И. Позняковъ, Я. П. Полонскій, И. Н. Потапенко, Сергѣй Пронскій, М. И. Пыляевъ, В. П. Писнячевскій, В. Я. Свѣтловъ, С. А. Сафоновъ, К. М. Станюковичъ, В. А. Тихоновъ, Ѳ. Ѳ. Фидлеръ, В. Э. Фирсовъ, К. М. Фофановъ, О. Н. Чюмина, І. І. Ясинскій* и др.

б) Въ научномъ отдѣлѣ: проф. *А. М. Никольскій,* приватъ-доцентъ *Б. И. Кіяновскій, Д. А. Корончевскій,* д-ръ *Б. И. Бентовинъ, В. Н. Селезневъ, П. Э. Панкратьевъ, Е. П. Чижовъ, И. И. Святскій* и др.

в) Въ художественномъ отдѣлѣ: *А. А. Аванасьевъ, М. А. Беркосъ, М. М. Далькевичъ, В. Л. Казановскій, А. А. Писемскій, Н. С. Матвѣевъ, Н. Н. Каразинъ,* проф. *А. О. Шарлеманъ, И. С. Галкинъ, А. А. Карелинъ, С. С. Соломко, Э. К. Соколовскій, А. С. Егорновъ, Е. П. Самокишъ-Судковская, А. А. Чикинъ, В. И. Навозовъ,* проф. *А. Н. Бенуа, А. Н. Бенуа 2-й, К. К. Первухинъ, С. А. Степановъ, В. П. Овсянниковъ* и др.

Въ другихъ отдѣлахъ журнала «ЗВѢЗДА», гдѣ обозрѣніе текущихъ политическихъ и общественныхъ событій въ описаніяхъ, иллюстраціяхъ, рисункахъ, портретахъ, займетъ выдающееся мѣсто, примутъ участіе также наиболѣе талантливые и извѣстные спеціалисты.

ПРЕДСТОЯЩІЯ ВАЖНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ:

1) **СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНІЕ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ,**

2) **Всероссійская Выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ**

будутъ предметомъ особыхъ заботъ новой редакціи журнала «ЗВѢЗДА», съ какою цѣлью уже теперь ею начаты нѣкоторыя подготовительныя работы. Въ Москву и Нижній-Новгородъ ко времени предстоящихъ событій будутъ командированы редакціей спеціальные корреспонденты и художники.

Художественнымъ отдѣломъ журнала «ЗВѢЗДА» завѣдываетъ худ. *В. П. Овсянниковъ.*

Въ **двѣнадцати** книгахъ ежемѣсячнаго литературнаго журнала будутъ помѣщены: 1) **пять** новѣйшихъ, еще непоявлявшихся въ отдѣльныхъ изданіяхъ, произведеній лучшихъ современныхъ русскихъ беллетристовъ, съ ихъ портретами и факсимиле: *К. С. Баранцевича:* **«Борцы»**, ром.; *Д. Н. Мамина-Сибиряка:* **«Дикое счастье»**, ром.; *В. Я. Свѣтлова:* **«Звѣзда любви»**, ром.; *И. Н. Потапенко:* **«Смертный бой»**, ром.; *В. О. Михневича:* **«Русскій патріотъ XVIII столѣтія»**, истор. ром.; 2) **пять** произведеній знаменитѣйшихъ европейскихъ писателей: *Виктора Гюго:* **«Человѣкъ, который смѣется»**, ром.; *Георга Эберса:* **«Двѣ сестры»**, ром.; *Вернера:* **«За алтаремъ»**, ром.; *Киплинга:* **«Наулака»**, ром.; *Бульверъ-Литтона:* **«Ди-Ріензи, послѣдній римскій трибунъ»**, истор. ром.; 3) собраніе новѣйшихъ произведеній скандинавскихъ писателей: *А. Стриндберга, Э. Альгрена, Л. Диллинга, Эдгара Лефлера, Бьернстьернъ-Бьернсона, А. Килланда* и *Сигурда;* 4) собраніе **послѣднихъ произведеній гр. Льва Толстого.** Каждая книга журнала будетъ заключать въ себѣ одно вполнѣ законченное произведеніе какого-либо изъ названныхъ авторовъ, за исключеніемъ двухъ книгъ, въ которыхъ будутъ напечатаны: въ одной—собраніе произведеній скандинавскихъ писателей, а въ другой—послѣднія произведенія гр. Толстого.

Редакція обратитъ особенное вниманіе на помѣщеніе въ «Модномъ Журналѣ» полезныхъ указаній по воспитанію и уходу за дѣтьми, причемъ матерямъ и воспитателямъ періодически будутъ даваться совѣты, относительно выбора книгъ для дѣтскаго чтенія, съ какою цѣлью къ участію въ журналѣ приглашены нѣкоторые изъ лучшихъ и опытныхъ нашихъ педагоговъ.

Годовая **цѣна** журнала «ЗВѢЗДА» со всѣми приложеніями: **5** руб. безъ доставки; **6** руб. съ доставкою и разсылкою во всѣ города Россійской Имперіи; **10** руб. за границу. **Разсрочка:** при подпискѣ—**2** руб., къ 1-му Апрѣля—**2** руб. и къ 1-му Іюля—**остальные.** Для служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за ручательствомъ казначеевъ и управляющихъ. **Плата за объявленія: 20** коп. за строку петита. Для годовыхъ заказчиковъ—значительная уступка.

Въ конторѣ журнала имѣются полные экземпляры журнала «ЗВѢЗДА», безъ книжныхъ приложеній, за 1894 годъ: въ обложкѣ—**2** р., въ роскошномъ переплетѣ—**3** р. **50** к. безъ пересылки. За пересылку прилагается плата по разстоянію за 10 фунтовъ.

Адресъ редакціи и конторы журнала „ЗВѢЗДА“: Спб., Караванная ул., д. № 18.

Издатель *А. И. Павловъ.* Редакторъ *П. В. Голяховскій.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 21 декабря 1895 г. Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12.

2007088997